

18+

Кира Коэн

Кровавая Луна

<https://litres.ru/74186003>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если твою душу продали ещё до твоего рождения? Есть лишь один способ избавиться от бремени проклятия — так сказала гадалка.

Всю жизнь страдавшая от людской ненависти, Луна хватается за призрачный шанс без раздумий. Да только путь к исцелению лежит через Безмолвный лес. Все знают — оттуда не возвращался ещё ни один путник, ведь в густой сумрачной чаще обитает настоящее зло.

Некогда дух, а ныне — порождение тьмы в шкуре жуткого волка, по слухам, жаждет одного — крови любого, кто забредёт в его владения.

Страшная сказка для взрослых с атмосферой европейского фольклора, азиатской мифологии и луизианского вуду.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Линия судьбы	10
Глава 2. Дальняя дорога	25
Глава 3. Зов сумеречных троп	42
Глава 4. Святилище	54
Глава 5. Особняк Безмолвного леса	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Кира Коэн

Кровавая Луна

Пролог

Туман — не редкость на болотах Уиллоу Бэй, но этой ночью он явился из ниоткуда. Словно живой, он не поднимался, а выползал. Из чёрных впадин между корнями кипарисов, из-под листьев кувшинок, из пасти аллигатора, что сдох ещё в прошлый ураган. Сперва лишь тонкие щупальца, белёсые, холодные, как пальцы мертвеца. Они тянулись по воде, оставляя за собой едва заметную рябь — как будто болото вздрагивало от прикосновения. А потом туман набрал силу. Он стекался в одну тяжёлую массу, плотную, густую, струился по замшелому настилу, и старые прогнившие доски стонали, будто помнили каждый сапог, что прошёл по ним.

Туман двигался не спеша, глотая звуки: ни плеска, ни кваканья лягушек. Птица, что кричала где-то вдали, вдруг захлебнулась и замолчала навсегда.

На безоблачном ночном небе, освещая путь, низко висела кровавая луна. Тропа к одинокому дому на отшибе давно поросла травой. Туман подбирался к нему снизу, скользил вокруг свай, облизывал столбы, на которых ещё висели оборванные, потемневшие от сырости ленты с прошлогоднего

праздника урожая. Он поднимался выше, обволакивал покосившийся заборчик, цеплялся за ставни, которые хозяйка забыла закрыть, добрался до крыльца и остановился. Прислушивался. Принюхивался. Внутри пахло дымом, кровью, дешёвой выпивкой и чем-то ещё — сладковатым, женским.

Никто никогда не проводил ритуалы в кровавую луну. Всем известно — это дурной знак. Но Ирен считала иначе. Пускай затмение не сулит добра, она готова была рискнуть. Её время выходило. Ирен чувствовала это, чувствовала, как оно утекало, как болезнь вытягивала из неё все жизненные силы, всю энергию, молодость. Кожа стала тонкой, как высохший лист, под глазами залегли глубокие тени, а боль стала извечным спутником от рассвета и до заката. Но умирать в её планы не входило. Нет, Ирен ведь ещё так мало видела, так мало успела сделать... Всем известно, что в минуты отчаяния любые средства хороши. И пусть это была дурная ночь, но в ней явственно ощущалась огромная сила. Глупо было бы ей не воспользоваться.

Заскорузлый ковёр отброшен в сторону. Доски под ним теперь украшал замысловатый символ, начерченный золой — маяк для призыва того, кого даже духи боялись называть. Рядом стояла глиняная миска, наполненная ещё тёплой, густой, почти чёрной кровью забитого петуха, а с ней бутылка с ромом — дар, что необходимо было предложить, — половина вылита в круг, половина ещё ждёт.

Ирен, измотанная, обессиленная, сидела на коленях, сно-

ва и снова повторяя свою песнь, похлопывая да постукивая ладонями по полу. Голос уже сорвался до хрипа, на пальцах выступила кровь, занозы отзывались болью при каждом ударе, а она всё хлопала — раз, два, три, — будто стучала в дверь, которую никто не открывал. Но Ирен не намеревалась так просто сдаваться. И мириться с тем, что было уготовано ей судьбой, тоже не собиралась, потому продолжала свой призыв с завидным упрямством.

Час, другой... Время шло, а никакого ответа, казалось, так и не будет. Слезы бессилия, солёные, жгучие, начинали душисть, однако Ирен не останавливалась. Она уже не просила. Она требовала. И когда туман стал просачиваться в дом, надежда вспыхнула вновь.

Невидимой силой дверь отворилась. Он возник на пороге: высокий, в чёрном, цилиндр чуть набекрень, длинные волосы, скрученные в жгуты, точно змеи, трость с серебряным черепом, что чеканила по полу, будто отсчитывая удары сердца. Кожа тёмная, как сама ночь. Глаза — два угольных провала. Шаги неспешные, расслабленные, ленивые.

Ирен затихла. Забыла даже, как дышать, глядя на ночного гостя с благоговейным трепетом. Тот подошёл совсем близко.

— Ром? — Голос низкий, бархатный, с хрипотцой. — Ты серьёзно, девочка? Это всё, что у тебя есть для меня?

Колкое замечание глухим эхом разнеслось по комнате. На губах мужчины застыла кривая ухмылка, и у Ирен внутри

всё скрутило от внезапно охватившего тело страха.

Гость поднял бутылку и, не отрывая взгляда, отхлебнул из горла. Половину — одним глотком. Вытер губы тыльной стороной ладони.

— Вовсе нет.

Пути назад не было. Собрав всю свою решимость, Ирен встала на ноги и сделала шаг, оказавшись с мужчиной лицом к лицу. Пальцы дрожали, но она смотрела прямо в его лукавые глаза, пока расстёгивала пуговицы одну за одной. Цветастая ткань легко заскользила, и платье упало к ногам. Болельщица успела взять своё. Тело — кожа да кости, но грудь всё ещё оставалась тяжёлой, а бёдра мягкими. Ирен не прикрывалась, не стыдилась. Она торговалась.

Мужчина окинул её взглядом и подошёл вплотную. В воздухе отчётливо запахло кладбищенской землёй, дымом и чем-то металлическим. Он протянул руку, мягко коснулся её лица. Пальцы были холодны. Касание — и по коже пробежал импульс. Ирен невольно прикрыла глаза, отдаваясь этой невозможной силе, что исходила от него. Безоговорочно готовая отдать и всю себя.

Туман заволок мысли. Холод прикосновений обжигал пламенем, а вкус незнакомых губ пьянил, заставляя забыть-ся. Кровать, захудалые простыни, тела, сплетающиеся в порочном танце... Всё будто смыло волной. Ирен не помнила, как оказалась там. Остались лишь ром на языке и ощущение, что внутри неё что-то переменялось, встало на место.

Уставшая, но как заново родилась.

Боль притупилась, страх куда-то исчез. Ирен медленно выдохнула, улыбнулась одними уголками губ и повернулась.

Он стоял у стены. Наблюдал. Ждал. Толстая сигара дымилась в его пальцах.

— Ну, — сказал он, выдохнув густые клубы в её сторону, — чего же ты желаешь? Так отчаянно и так настойчиво...

Казалось, ответ и так был ему известен.

— Жить. Я хочу жить.

— Все хотят.

— Ты ведь можешь помочь. Можешь исцелить. Дать второй шанс. Я знаю, это в твоих силах. Прошу...

— Конечно могу. — В глазах блеснуло пламя. — Однако у всего есть своя цена. Но тебе ведь и самой это прекрасно известно.

— Назови. Я готова. Терять мне уже нечего, — ответила она, но голос всё равно предательски дрогнул, что не укрылось от её гостя, и улыбка на его лице стала шире.

— Цена за жизнь должна быть соразмерной. Ты ведь понимаешь это?

— Понимаю, — кивнула Ирен и подползла к самому краю кровати. Поднялась и тут же снова упала на колени перед ним. — Только скажи. Тебе нужна моя душа? Я отдам её!

Гулкий смех тут же заполнил собой пространство. Ирен подняла голову. Мужчина приблизился, внимательно глянул в её серые глаза, а затем помог подняться.

— К чему мне твоя душа? В ней нет чистоты.

Готовая биться до последнего, Ирен уже открыла было рот, чтобы продолжить торг, когда пальцы — длинные, чёрные, с острыми ногтями — легли ей на живот.

— Я дам тебе годы. Но платой за них будет не твоя душа. Твоя дочь заплатит. Та, что уже зачата. Сегодня. Сейчас. Та, которую ты назовёшь в честь этой кровавой луны. Она тоже будет жить. Долго. Но душа её будет принадлежать миру мёртвых. С первого вздоха.

Повисла тишина. Только сигара шипела, роняя пепел.

Смысл слов доходил до Ирен с трудом. Весь мир будто остановился. Ей чудилось, что прошла целая вечность, но решение было принято за секунду. Она кивнула всего раз. Тогда он наклонился и оставил на её губах поцелуй — коротко, почти нежно.

— Сделка заключена, дорогая.

Надев цилиндр, он развернулся и зашагал к двери. Туман втянул и поглотил его силуэт. Дверь захлопнулась сама. В доме остались лишь дым и далёкий, очень далёкий смех, который будет преследовать Ирен всю оставшуюся жизнь.

Глава 1. Линия судьбы

Последний день Сытой Недели — празднества в честь проводов зимы — всегда гремел громче других в году. То был день, когда весь город решал, что можно жрать, пить, орать, пока стоишь на ногах. Последний выдох перед тем, как на долгие дни погрузиться в покаяние, потому что после этой ночи покаяться придётся всем.

Улицы тонули в цвете и запахах: жжёный сахар, ром с мёдом, горячее женское тело вперемешку с солью мужского пота. Перья, ленты, украшения из ракушек и камней летали повсюду. Кто-то смеялся до слёз, кто-то предавался любви прямо на мостовой, кто-то просто стоял в стороне ипил, пока глаза не становились мутнее воды в каналах, а кто-то уже валялся под телегой — не то перебрал, не то помер, — но ряженая толпа просто обходила его стороной. Дело привычное.

Музыка лилась отовсюду: кожаные барабаны, флейты из тростника, гитары, голоса, что пели о любви, о еде да о том, как хорошо быть живым, когда живым быть оставалось недолго.

Королевой фестиваля — символом изобилия, по традиции избранной жребием среди молодых девиц, — в этом году была восемнадцатилетняя девчонка с грудью, к которой хотелось прильнуть, и улыбкой, от которой хотелось умереть. Платье из живых цветов и тончайшего шёлка просвечивало,

не скрывая ничего, что в другой день должно было оставаться секретом. Стоя на балконе в начале главной улицы, она бросала в толпу бусы, лепестки и поцелуи.

Внизу танцевали. Танцевали так, будто завтрашний день никогда не наступит. Падали, поднимались, снова падали. Юбки задирались, штаны спускались, и никому не было стыдно. Сегодня было дозволено всё.

По каналам плыли плоскодонные лодки, и в каждой — влюблённые, пьяные, счастливые. Они кидали в воду монеты, чтобы река помнила их имена. А на городской площади дожидалась своего часа гигантская фигура Короля Зимы из соломы и веток, с короной из цветов и одеждой из яркой ткани. Скоро она сгорит, медленно и красиво. Поговаривали, если долго вглядываться — в пламени можно увидеть судьбу.

Кабак «Под мостом» стоял в самом конце улицы, где брусчатка уже превращалась в гнилые доски, а раскидистые ветви плакущих ив даже днём скрывали от солнца. К слову, никакого моста рядом не было уже лет двадцать: развалился — а название так и прижилось.

Масляные лампы горели тускло, отбрасывая длинные тени на стены, сплошь увешанные всякой мелочовкой: забытые вещицы, зловещая маска из вороньих перьев — подарок от заезжего гостя с запада; череп козла, оленьи рога, маленькие тряпичные фигурки, рисунки да записки от редких по-

сетителей.

Популярностью заведение не пользовалось. Местные почти никогда не добирались сюда в своём длинном шествии, успевая вдоволь наесться пирогов с патокой и напиться сладким пуншем ещё по пути. Да и в обычные дни столы чаще пустовали.

Наверняка из-за *неё*.

В городе её прозвали «аджэ». Старое словечко с далёких островов, которое привезли бывшие рабы много лет назад, когда Уиллоу Бэй ещё был крохотной деревушкой. Оно означало человека, внутри которого гнездилась сила, но не та, что была у жрецов и шаманов, а иная, тёмная. Сила, что сулит лишь порчу и непременно посеет несчастья. Спасибо матушке, которая не чуралась запретных практик, лишь бы не стареть, не скрывала этого, а напротив, выставляла напоказ и вела довольно разгульную жизнь, пользуясь неувядающей красотой и уводя мужей.

Стоило ли говорить, что в окрестностях Лу́ну, мягко говоря, не жаловали и старались обходить стороной.

Хозяин кабака один согласился принять её. Батист — добрейший мужчина в годах — чудом ещё не разорился и за работу платил не густо, но это уже больше, чем она могла надеяться. Да и принимать в качестве частичной оплаты выпивку девушка совсем не возражала. Главное не это, а то, что Батист, наверное, был единственным, кто не считал её чудовищем. Возможно, потому, что сам всегда старался видеть в

людях лучшее, а возможно, из-за того, что она сделала для него.

Он был тогда совсем разбитый, а болезненные воспоминания о только что почившей жене терзали сердце каждую ночь. Он слышал её всюду: в завывании ветра в печной трубе, в скрипе половиц, в каждом шорохе.

Обычно Луна отказывала в подобных просьбах редких безумцев, решившихся на отчаянный шаг. Мёртвые пугали её до дрожи. Но Батист нравился ей, был с ней добр. Не в силах смотреть на застывшие в утомлённых глазах слёзы, она согласилась помочь, подарить ему последнее прощание с возлюбленной. Зная, что та смогла обрести покой, он смог найти его и сам. И с тех пор заменил ещё совсем юной девочке отца.

Дверь приоткрылась, брякнул колокольчик.
— Добро пожаловать!

Она подняла голову, но никого не увидела. По коже пробежал холодок.

Луна вздохнула и, наполнив кружку до краёв, поставила перед мужчиной, который сам уже практически лежал на стойке и разве что не похрапывал, но каким-то образом до сих пор ухитрялся пить. Кроме него, внутри только двое ещё сидели в самом углу: Густав — матёрый моряк с испещрённым шрамами и оспами лицом. Рядом — его приятель Эрвин — толстый, красный, с руками, что когда-то умело держали

меч, а теперь лишь бутылку. Оба торчали тут с самого утра и в обед ещё устало спорили о «высоком», если судить по долетающим обрывкам разговора о смысле жизни. Лучшая стадия опьянения, по мнению Луны: убирать погром за такими обычно не приходилось. Теперь же кружка перед первым стояла пустой уже третий час, а он всё пытался высосать из неё хоть каплю. Второй же вовсю дрых с блаженной улыбкой за густыми усами.

— Эй, Лу! — раздался за спиной голос Батиста. — К тебе там посетитель!

Она ещё раз оглянулась на дверь, будто ждала, что кто-то всё же войдёт. Сквозняк. И всё. Луна развернулась и направилась в заднюю часть помещения.

Её крохотную каморку можно было назвать просторной кладовкой или очень маленьким кабинетом. В комнатуху влезали только стол, крупное плетёное кресло и два стула, но теснота даже шла на пользу гнетущей, давящей атмосфере. Вместе с многочисленными склянками, порошками, вязанками сухих трав и мелкими костями животных на полках. Это то, что и хотели видеть те, кто нет-нет да и заглядывал тайком. Кому от боли избавиться, кому ещё от какой хвори, а кто надеялся, что талисманы аджэ, пусть и опаснее, но по-сильнее обычных будут.

Внутри стоял густой запах ладана — не чистого, а жёсткого, привозного, с горькой нотой сандала и чего-то металлического. Луна жгла его вечерами, но всё равно чувствовала,

что этого мало. Дыма никогда не хватало, чтобы отделаться от ощущения незримого чужого присутствия.

В комнате её ждал Олан. Все знали Олана как чудаковатого старого пьянчугу и бродягу. Поговаривали, у него имелся собственный дом, но никто никогда его не видел, как не видел и самого Олана за какой-либо работой, кроме попрошайничества.

На вид ему было лет сорок, иногда и все шестьдесят. Так сразу и не скажешь. Но глаза такие, будто он видел, как строили первые городские стены. Лицо испещряли морщины, нос красный, лопнувшие сосуды — следы многолетней дружбы с бутылкой. Потрёпанный сюртук висел на нём мешком; рубаха, когда-то белая, теперь могла бы слиться с грязной мостовой; штаны держались на верёвке, а заплатки были нашиты одна на другую. Сапоги на удивление блестящие, и, пускай подошвы были уже надорваны, Олан обычно гордо называл их «мои парадные».

Местный бродяга не был из тех, кого сторонились. Наоборот, дети бегали за ним табуном: он показывал им фокусы и рассказывал байки то про великанов, то о маленьких волшебных существах, что живут под половицами и в тайне, когда все спят, помогают по хозяйству, если оставить им ложечку мёда. Взрослые тоже не брезговали подавать ему хлеб, сыр или монету, потому что «Олан безобидный, как старый пёс, только воняет крепче».

Сейчас же он сам на себя не походил. Сидел весь, как на-

тянутая струна, руки беспокойно теребили потёртые штанины. Седеющие волосы, покрытые слоем пыли, торчали во все стороны, а дурной взгляд метался из угла в угол, пока не остановился на вошедшей девушке.

Луна молча упала в кресло, закинула обутые в тяжёлые сапоги ноги на край стола и отбросила за спину длинные чёрные волосы. Тихо брякнули бусины и металлические украшения, вплетённые в несколько тонких косичек под густой копной.

Всё так же молча, словно намеренно игнорируя гостя, она достала из тайника деревянную шкатулку. Внутри — несколько тонких скруток из кукурузных листьев, плотно набитых травами. Луна взяла одну, помяла в пальцах, а Олан теперь как замороженный глазел на блестящие массивные кольца и кружевные узоры чернил на её руках.

Пламя поднесённой свечи осветило белое лицо. Луна прикурила, ненадолго задержала дым в лёгких, медленно выдохнула и только потом обратила свой взгляд к Олану.

— Чего хотел?

— Кошмары, Лу! Ужасные кошмары! Там, у реки, по всей мостовой! Каждую ночь... Завывают. Мёртвые! Как пить дать мёртвые стонут! Закрываешь глаза — и они тут как тут. Всюду! Тянут свои лапы, хотят схватить, вывернуть мозги наружу!

— А ты уверен, что не перепил? Горячку словил, вот и привиделось...

— Обижаешь! Я свою норму знаю. Да и ты ж меня знаешь, крошка Лу! Точно тебе говорю, поселилось там что-то! Донимает, спать не даёт. Третий день глаз сомкнуть не могу, — начал тараторить он, точно заведённый, но Луна оборвала его, выставив ладонь.

— Так, тсс! Стой! — Олан, как по команде, замер и притих. — Мы уже говорили об этом. Я таким не занимаюсь. Продать амулеты, намешать сбор — это можно. Ну, или карты разложить, если ты в подобное веришь, конечно... Клиентам нравится, особенно залётным, издалека, — равнодушно пожала плечами она, а затем, нахмурившись, продолжила: — Но то, о чём ты просишь...

— Пожалуйста, Лу! Я так устал! Не могу больше! Страх берёт — с ума схожу!

— Прости, приятель, но я милостыню не раздаю и даром не работаю, — усмехнулась она в ответ и сделала ещё затяжку.

— Так я же заплачú!

Олан вскочил и принялся шарить по карманам на перевязи, выкидывая на стол дубовые пробки, горсть отполированных камней, смятый лист бумаги и пяток монет, отчего Луна рассмеялась в голос.

— У тебя столько нет, Олан. Перестань. Я бы всё равно не согласилась. Но вот, возьми лучше это. Обещаю, уснёшь как младенец, — улыбнулась она ему, протягивая одну из скруток. Олан уставился с недоверием.

— Т-т-точно поможет?

— Когда я тебя обманывала? Эй, это моё величайшее творение! Гибрид. Сама вывела! Пассифлора снимет тревогу, шлемник расслабит тело, а болотный шалфей очистит мысли. Стоит того, уж поверь. Но упрасивать не стану. Хочешь — бери, а нет — так проваливай ни с чем, — развела руками Луна и снова рассмеялась, когда Олан стремительно выхватил предложенное снадобье и, окрылённый, выскочил на улицу через заднюю дверь.

— Да! Чуть не забыл!

Его голова вновь показалась в проёме. Он неуклюже протиснулся обратно, отыскал среди вываленных на стол «богатств» комок бумаги, аккуратно расправил грязными пальцами и нетерпеливо застучал по выведенному рисунку. То была листовка с приглашением на ярмарку. Странствующая труппа из далёких земель в этом году добралась до Уиллоу Бэй и раскинула шатры как раз к празднику. Луна слышала, что народ был в восторге, а обычно пустующую поляну всю неделю наводняла толпа. Потому и не совалась туда сама, хотя, стоило признаться, любопытство так и подмывало глянуть всего одним глазком.

— Тебе стоит пойти, — уверенно заявил Олан. — Может, ещё успеешь. Сегодня их последний день.

— Зачем? Мне и тут неплохо.

Тот сощурился лукаво. Будто видел её насквозь. Пододвинул листовку к ней ближе. Настаивал.

— Сходи. Слышал, гадалка там не предсказывает, а видит всю твою судьбу от первого до последнего дня. Кто знает, вдруг правда... Если так, может, она поможет избавиться от твоего бремени.

Она не ответила. Похлопав её по плечу, Олан кивнул, поблагодарил за подарок и удалился, оставив девушку в тишине обдумывать его слова. Вот только времени на раздумья толком не оставалось.

Попытка не пытка.

В конце концов, что ей было терять?

К моменту, как Луна покинула кабак, праздник уже отгремел. Фигура Короля Зимы тлела на площади, выбрасывая в небо последние искры. Город медленно засыпал пьяным сном, улицы почти опустели. Остались только вонь перегара, раздавленные пироги да цветы, что хрустели под подошвами. Кто-то блевал в канаве.

Впереди маячила хрупкая фигура. Луна замерла на мгновение. Девочка, маленькая, мокрая насквозь, беззвучно плакала. Кожа синяя. Платьице прилипло к костям. С тёмных, похожих на водоросли волос без остановки капало. Девочка озиралась по сторонам, словно искала кого-то. В затянутых белёсой пеленой глазах читались страх и отчаяние. Побледневшие губы шевелились, но слова не слетали с них.

«Мама... Мама?»— прочитала Луна, подойдя ближе.

Два запоздалых гуляки неровной походкой шли на-

встречу. Девочка бросилась к ним, но те прошли мимо, даже не повернув головы.

Луна поняла: девочка не знает, что умерла.

С этими намного проще. Не показывай, что видишь их, — и они не станут донимать.

Привычным движением опустив капюшон накидки, под которым всегда скрывалась во время прогулок по городу, Луна тоже отвернулась и ускорила шаг.

Чем дальше, тем больше редели и мельчали домушки. На окраине было уже совсем тихо, но кое-где ещё горел свет. Неприятное ощущение чужого взгляда заставило притормозить. В одном из окон торчали макушка, глаза и нос. Ребёнок с любопытством таращился на неё, неумело стараясь быть незаметным. Обычно это раздражало, но сейчас показалось даже забавным. Раз уж ей выпало стать той, кем родители пугают своих чад и о ком рассказывают страшилки, почему бы не принять правила игры?

Она развернулась к дому, уставилась в ответ, а потом подняла руки, изображая когтистые лапы, скорчила страшную рожицу и резко дёрнулась, будто собралась рвануть вперёд. Застигнутый врасплох ребёнок испуганно выпучился и быстро пригнулся, скрываясь за стеной. Луна слабо улыбнулась своей маленькой пакости и продолжила путь.

Ярмарка тоже готовилась ко сну. Посетителей было не видеть, лишь жонглёры собирали ножи, да смахивали опилки

со столов.

Костры догорали. Полотнища шатров тяжело колыхались. Фонарики из вощёной бумаги раскачивались на верёвках, и в каждом ещё дрожал крошечный огонёк. Над помостом провисал канат. Повозки выстроились в ряд: дракон, шут, русалка — краски облупились, улыбки потрескались. Между ними висел костюм арлекина, сшитый из сотен лоскутов. Он медленно поворачивался, хотя ветра не было. Пустой.

Перед шатром гадалки стояла вывеска — старая доска, потемневшая от дождей. Крупными витиеватыми буквами была выжжена надпись: «Провидица мадам Мари», под ней — песочные часы. Ниже мелкая подпись: «Входи только раз».

Луна вдруг почувствовала себя глупо. «Всё это — ерунда для доверчивых дураков», — подумала она. Однако, вопреки сомнениям, что-то заставило её шагнуть внутрь.

Шатёр пустовал. Свечи на круглом столике почти догорели, воск натёк на карты.

Неужели опоздала?

Луна огляделась, но ничто не намекало на чужое присутствие. Как вдруг позади раздался голос.

— Пришла всё-таки.

Она словно возникла из воздуха. Луна вздрогнула, обернулась. Женщина невозмутимо прошла вперёд. Лицо сокрыто вуалью, в волосах — диковинные шпильки из золота, наряд — необычный для этих мест, многослойный, рукава ши-

рокие, точно крылья редкой птицы; алый атлас струящийся, лёгкий, слишком дорогой для кочующей обманщицы. Уж Луна-то знала — свою любимую красную накидку сшила сама из старых тряпок матери, а та умела найти состоятельных мужчин, которые отблагодарят роскошным подарком.

— Вы... и есть предсказательница? Мадам Мари?

— А ты видишь здесь кого-то ещё? — уклончиво ответила та, устраиваясь за столом. — Проходи. Садись. Я ждала тебя.

Голос мелодичный, юный. Совсем не то, чего она ожидала.

Гадалка терпеливо ждала и, когда Луна, наконец, не спеша опустилась напротив, откинула вуаль. Взору открылось лицо, неожиданно молодое и невероятно прекрасное: кожа светлая, глаза чуть раскосые, как у кошки, черты правильные, плавные, притягательные. Луна поймала себя на том, что откровенно пялилась. Ну не могла эта девчонка быть какой-то там провидицей. Принцессой, скорее. Танцовщицей, сиреной, любовницей, на худой конец.

— Я... Простите, кажется, я совершила ошибку.

Луна собиралась встать и уйти, но девушка схватила её за руку.

— Нет! Ты там, где должна быть!

Тело вдруг парализовало, и её будто прошибла молния. Пальцы гадалки были ледяными, но прикосновение обожгло запястье.

— Вижу. Вижу, что тебя гложет, — забормотала та, не

ослабляя хватки. — Ты тонешь в ненависти, но в том, что твоя мать взяла на себя слишком много, нет твоей вины. Ты поймёшь своё предназначение и сможешь найти покой, но только в правильном месте.

Сердце застучало быстрее. Она не могла знать... Не могла ведь? Или местные разболтали? Луна отдёргнула руку, и гадалка разжала пальцы.

— Размытые фразы. Конечно... И что толку? В правильном месте? И где же оно?

— Там, где Боги услышат твои молитвы.

— Если Боги и слышат, то им плевать. Я молила всю жизнь. Молила избавить меня от проклятия, но всё тщетно.

— Потому и нужно особое место, священное. Ты ведь знаешь, что даже Богов, как и всё сущее, сотворила Великая Мать. Говорят, если желания искренны и чисты, если воззвать к Великой Матери у Первого Древа, Древа Маву, она ниспошлёт свою милость.

Губы гадалки тронула печальная улыбка, и Луне это почему-то совсем не понравилось.

— Что ж... Раз мадам Мари видит всё, может, она скажет и как найти это древо?

— Лишь ты сама сможешь отыскать путь. Свой путь. Мне же под силу только направить.

— Ну, разумеется...

— Безмолвный лес, — внезапно выпалила гадалка. — Ты найдёшь Древо Маву в Безмолвном лесу. Там, где кончаются

тропы, куда не проникает солнечный свет.

— Безмолвный лес? Тот самый?

Ею неожиданно овладел страх. Луна слышала, что говорили другие, всегда шёпотом, боясь навлечь беду одним упоминанием леса, полного нелюди, в котором когда-то поселилось настоящее чудище — проклятый дух, что насыляет несчастья, отравляет земли, крадёт юных девушек и питается человеческой кровью. Слухи о волшебном месте, способном исполнить сокровенное, тоже до неё доходили, вот только...

— Путники ведь с давних пор там пропадают.

— Самая ценная награда всегда ждёт в конце самого опасного пути, — произнесла гадалка, подняв на девушку внимательный и такой же печальный взгляд. — Решиться или нет — дело твоё. Подумай и ответь сама себе, на что ты готова пойти. Доверься нутру, прислушайся, прими то, что рвётся наружу, и ты найдёшь ответы, которые исцелят душу.

Глава 2. Дальняя дорога

Говорят, «ищите и обрящите», но никто не говорит, где именно нужно искать и к чему это в итоге тебя приведёт.

— Ты ведь не всерьёз, правда? — пробасил Батист. — Скажи, что не собираешься лезть в это проклятое место лишь из-за того, что наплела какая-то там гадалка.

Луна стыдливо поджала губы. Ей было совестно перед ним, этим здоровым чернокожим мужиком, для кого-то даже наверняка пугающим, но для неё ставшим родным за все эти годы. Он глядел с беспокойством. Единственный, кто на самом деле огорчился бы, исчезни она навсегда.

— Тебя там не было. Эта девушка, она говорила вещи, которые... Не знаю даже, как объяснить. Это нужно было просто почувствовать. То, что я испытала, когда она взяла меня за руку... Ни на что не похоже. Она не лгала. Я это нутром чувую, понимаешь? К тому же, я не могу так больше. Не хочу видеть неприкаянных, а живые не хотят видеть меня. Ни те, ни другие не оставят в покое. Ты и сам знаешь. Мне нет здесь места. Поэтому, если есть хоть шанс, я готова попытаться. Я должна.

Луна взяла его ладонь, большую, тёплую, мозолистую. Мужчина отвёл взгляд, вздохнул, покачал головой в ответ своим каким-то мыслям. Проговорил полушёпотом:

— А если сгинешь там?

— Тогда хотя бы быстро. А не по кускам, как здесь. Все мы записаны в должники Смерти ещё с рождения. А чему быть, того не миновать.

Он посмотрел на неё. Долго. Затем хорошенько отхлебнул из бутылки, грохнул об стойку. Кивнул на разложенную карту.

— Ладно, маленькая бестия, рассказывай! Какой у тебя план?

— Не уверена, — задумчиво пробормотала Луна.

На бумаге всё выглядело таким близким, но в реальности ей предстоял путь на самый восток материка, к месту, что когда-то являлось богатейшим регионом, но пришло в упадок, — городу Хайвейл, окружённому горными хребтами с одной стороны и непроглядной чащей с другой.

— Думала отправиться на север, может, кто подобрал бы по пути, но из-за гор крюк выйдет слишком большой.

— Нет, наземных торговых путей уже лет десять как не осталось: всё поросло, а где не поросло — там размыло. Опасно это. В топях маршруты знать надо. Там если и встретишь кого, так только если на запад. В порт тебе нужно, корабль искать. Целее будешь.

— Да кто же меня на корабль-то возьмёт? И так баба — к беде, а уж такая, как я...

Раскатистый всхрап прервал разговор. Резко дёрнувшись, икнув, Густав, который дрых тут, похоже, со вчера, разлепил

тяжёлые веки. Поморщился, невнятно промычал что-то, издав кислým дыханием.

Привычным движением Луна поставила перед ним обжаренный солёный хлеб и долила браги.

Тот жадно приложился, закусил, прочистил горло и расплылся в довольной, ещё полусонной хмельной улыбке. Прорчал гулко:

— А-а-а! Хорошо! — Причмокнул. Постучал по столу, кивнул куда-то за спину. — Со мной можешь отправиться.

Луна сперва не поняла, но, как только смысл слов дошёл до неё, просияла.

— Правда? Можно?

— Славная ты девочка, знаешь всегда, как уважить старика. Почему нет? Мы сами на север идём, но остановимся в гавани по пути, запасы пополнить. Оттуда как-нибудь уж доберёшься своим ходом. Но только чтоб никто тебя не видел, поняла? — неожиданно строго рявкнул Густав и снова икнул. — Приходи затемно, выделю тебе местечко в трюме. Но долго не думай! Ждать не стану. Отходим на рассвете.

— Да, да, я поняла! Спасибо!

— «Спасибо» не булькает, — хмыкнул тот, прикончив кружку. Кокетливо подмигнув, Луна налила ещё.

— Точно! За счёт заведения.

— Ай, ну хороша! — нараспев протянул старый моряк. Девушка с гордо поднятой головой повернулась к Батисту.

— Ну, кажется, теперь у меня всё схвачено.

— Уверена, что хочешь этого? — ещё раз решил уточнить он.

— Ни в чём ещё не была так уверена.

— Что ж, коль отговорить всё равно не смогу... Ступай. Но только вот, возьми с собой, — добавил мужчина и выложил перед ней на стол клинок: рукоятка, оплетённая кожаными шнуром, без гарды; лезвие короткое, тонкое, с одной-сторонней заточкой и острым концом. Клинок потёртый, явно повидавший многое, но всё ещё пригодный. Маленький, удобно спрятать в рукаве или за поясом.

— И одежду возьми поплотнее. Холодно там.

Она нежно улыбнулась и позволила Батисту заключить её в медвежьи объятия — крепкие, грубые, аж кости хрустнули, но ей было всё равно. Луна уткнулась лицом в его пропахшую дымом и потом рубаху и вдохнула поглубже, впитывая, запоминая.

— Спасибо. Возьму.

«И тебя возьму. В сердце»

— Ну всё, ступай. И береги себя. А если вернёшься — я буду здесь.

Она усмехнулась, взяла клинок, свернула карту и бодро помахала напоследок.

— Если вернусь — нальёшь!

У самой двери Луна остановилась, вспомнив, что хотела сказать.

— Да... И попроси кого-нибудь проверить воду возле пло-

щади, напротив лавки пекаря. Думаю, там утонул ребёнок.

Дом, как обычно, встретил пустотой, холодом и затхло-стью. Она пришла проститься, но едва ли станет скучать. Только сейчас, окинув всё взглядом в последний раз, поняла это.

Ветхая ограда давно покосилась, как и ставни. Всё заросло травой и мхом. Доски тоскливо скрипели даже от сквозняка. Сырая земля глотала сваи, и вся конструкция с годами поехала, словно сгорбилась под тяжестью царившей здесь безнадёги. Кое-где сажа въелась настолько, что не смывалась дождями. При одном взгляде на сохранившиеся с пожара следы, старые шрамы, скрытые под узорами татау, вновь начинали зудеть.

Искать помощи тогда, как, впрочем, и сейчас, было негде. Ухаживать — тоже некому, а одна она не справлялась. Батист вызвался, пытался подлатать, исправить, на что хватало рук, но возраст уже брал своё. Был ещё Урбен — мальчишка кузнеца, который одно время бегал за ней тайком, но несколько розг от отца и серьёзный разговор с матерью, настрого запретившей связываться с бедовой девицей, отвядили влюблённость вместе с молодым помощничком довольно быстро.

Вытоптанная тропинка и осевшее крыльцо — все в свежих помоях; то тут, то там разбитые яйца да гнилые овощи.

На обугленной стене криво выведено золой «аджэ». Тур¹ из камней на могиле матери, что покоилась на заднем дворе, ведь на кладбище её не приняли, был снова развален.

Детвора ночью порезвилась на славу.

Луна вздохнула. Люди постоянно приговаривали, мол, нет ничего лучше дома, но можно ли назвать домом место, о котором и не вспомнить ни крупицы радостного? Жизнь здесь теплилась только в небольшом садике, где девушка заботливо растила ароматные травы для чая, мазей и обрядов; для себя и на продажу. Подойдя к веранде, Луна любовно провела пальцами по выющейся вдоль перил лозе своего драгоценного гибрида, что дарил блаженный покой телу и мыслям; бережно коснулась бархатистых тёмных листьев с фиолетовым отливом, сорвала несколько; наклонилась к иссиня-чёрным цветкам. По ночам они пахли сильнее, но и сейчас источали приятный аромат, сложный: сладкий анис, влажная земля, лёгкая нота ладана. В жару запах ощущался за десятков шагов.

Вот по этому она станет скучать, а в остальном разве держало ещё что-то? Может, и правда стоило оставить этот дом, это город давным-давно? А она — просто трусиха, которая раз за разом выбирала знакомую боль перед неизвестностью?

¹ Тур (гурий, каирн) — это искусственная груда камней, часто конической формы, имеющая древнее происхождение, связанная с ритуалами, погребениями. Во многих культурах связаны с обрядами, поклонением духам и подношениями.

Быстро собраться и отправиться в дорогу... Как же! Время тянулось невыносимо медленно. Луна вся извелась, успела тысячу раз обойти дом в поисках того, что могло бы пригодиться в путешествии, и тысячу раз осознать, что все её пожитки уместятся в одну сумку. Вне зависимости от того, на сколько она планировала уехать. Запасное платье, коробочка с нарезанными и уже скрученными травами — выкурить, успокоить нервы, одолеть бессонницу; несколько маминых побрякушек, если вдруг понадобится что-то продать; огниво да мешочек с монетами, которые удалось скопить... Жалкое зрелище. Но вообще-то даже удобно по-своему. Всегда проще передвигаться налегке. Тем более, если не знаешь, как далеко придётся зайти.

Наконец время пришло. Луна пробралась к причалу в полной темноте. Город затих, только собаки лаяли где-то вдали, да волны шуршали. Корабль стоял у пирса старый, потемневший. Имя на борту уже не читалось.

Сгорбившись под накидкой, она проскользнула по трапу. Густав ждал возле люка, кивнул, показал место в трюме среди бочек, сетей и сена. Вонь внизу ударила сразу: соль, рыба и тина. Но всё лучше, чем попадаться на глаза. Луна забилась в угол, свернулась как крыса. Вскоре корабль отошёл от берега — и началась тряска. Теперь оставалось лишь за- таиться и ждать.

Три дня в темноте. Свет пробивался только через щели —

тонкими полосами днём, слабым серебряным мерцанием ночью. Судно качалось, скрипело, стонало под тяжестью волн. Каждый толчок — будто удар по рёбрам. Желудок был пустым, но горькая желчь с непривычки просилась наружу. Луна сидела на колючем стоге, прижав колени к груди, а кулак ко рту, чтобы сдерживать позывы, дышала медленно и неглубоко. Слушала плеск, храп моряков наверху, гулкие удары сердца.

В первый день было страшно. Она закрывала глаза, но легче не становилось. Наоборот, всё качалось и кружилось сильнее. При мысли о том, что она застряла посреди бесконечной воды, где суши не видать, куда ни глянь, шторм может накрыть в любой момент, а в глубине — вообще неведь что, становилось, мягко говоря, не по себе.

Густав спустил немного хлеба, но в таком состоянии кусок не лез в горло, а вот бутылка с остатками рома пришлась весьма кстати. Луна выпила залпом. Тепло разлилось по венам, чувства притупились. Достаточно для того, чтобы расслабиться и не думать о том, какие ещё сюрпризы поджидали впереди.

На второй день тошнота усилилась. Затхлый воздух делу совсем не помогал. Вкус моря осел на губах. Луна дышала через ткань накидки, считала доски на потолке, ждала. Потом решила закурить, осторожно, отойдя подальше от соломы, совсем чуть-чуть. На удивление сработало: желудок уgomонился, голова стала пустой.

К третьему дню было уже и плевать как будто. Привыкла. Корабль шёл ровно. Качка превратилась в колыбельную. Луна открыла глаза и посмотрела в щель наверху. Небо, вода, горизонт — всё сливалось в одно. Одинаково далёкое и одинаково близкое.

К рыбацкой деревушке они подошли на рассвете четвёртого дня. Густав отрыл люк, рывкнул:

— Ну всё, вылазь. Дальше пешком.

Кое-как на затёкших ногах Луна выбралась. Холодный ветер хлестнул по лицу как пощёчина. Она вдохнула полной грудью и впервые за долгое время почувствовала странную лёгкость. Стоило ощутить твёрдую землю под ногами, как от бывшего беспокойства остался один слабый отголосок. Замечательно! Первый пункт плана выполнен. Вот только план её был настолько продуманный и надёжный, что пункты «два» и «три» Луна придумать не удосужилась.

Всегда ведь можно плюнуть на всё, убежать куда-нибудь, где не ступала нога человека, соорудить себе лачугу и больше никогда не возвращаться в мир. И без того жила почти как отшельница...

Ненадолго Луна впала в ступор, не зная, куда себя деть. Растерянно огляделась.

Хотя деревушка была маленькой, неказистой, бухта завораживала: кругом бушевала сочная зелень, мягкий песок белел вдоль линии берега, а голубая вода была такой чистой, что можно разглядеть мелких рыбёшек. Повсюду были раз-

вешены сети, там же сушились водоросли, рядом — корзины с моллюсками.

Люди уже вовсю копошились: женщины потрошили рыбу, детвора удирала от набегающих волн, мужики матерились над лодками, кто-то ругался со снующими мимо матросами.

Густав кивнул на скрючившуюся у костра старуху.

— Спроси у бабки Айше. Она всех знает.

Луна подошла, опустила капюшон. Старуха сидела на корточках и быстрыми, отточенными, слишком ловкими для её возраста движениями счищала чешую и вспарывала брюхи.

— Доброе утро, — проговорила Луна тихо, по привычке опасаясь. — Мне нужно в город. Не знаете, кто может довезти?

Бабка подняла глаза, смерила цепким взглядом.

— Давненько никто не спрашивал... Чего ж там ловить теперь? — буркнула она в пустоту. — Дороги сейчас совсем плохи, разбойники нет-нет да и появляются... Но Темир с телегой ездит, соль и рыбу возит раз в месяц. Сегодня как раз собирается. Вон он, у конюшни.

Поблагодарив старуху, Луна направилась к мужчине. Крупный, плечистый, хмурый, тот запрягал мула и дружественным совсем не казался.

— Мне сказали, вы едете в Хайвейл. Подбросите?

— Дорога тяжёлая. И недешёвая.

— Монеты есть.

Мужик помолчал немного, почесал бороду, сплюнул.

— Садись. Только чтоб без нытья, ясно? Сопли подтирать не стану. Чуть что — в канаву скину. Поняла?

Гордо вскинув голову, Луна запрыгнула назад, уселась между мешков с солью. Жестом показала: её рот на замке, хлопот не будет.

Мул заржал, тронулся. Телега заскрипела по ухабам.

Тащились они медленно, косо. Колёса то подскакивали на камнях, то ухали в ямы. Луна сидела на мешках, спиной к Темиру, лицом к дороге. Ветер нёс запах сухой травы и заставлял плотнее кутаться в накидку. Ткань грела, но и о матери не позволяла забыть даже вдали от родных болот. В памяти невольно всплывали обрывки: пропущенные обеды, танцы до поздней ночи, где мужчины глазели с жадностью, а женщины — с завистью; то, как она велела сидеть тихо и не мешать, когда в очередной раз приводила чужака в дом...

Темир молчал. Иногда кашлял, сухо так, надсадно. Иногда напевал что-то под нос. Слов Луна не понимала или не могла разобрать.

Дорога поднималась. Мимо проплывали поля — выжженные, пустые. Лишь редкие стебли ржи загибались и клонились к земле. За ними — иссохшие деревья. Постепенно и острые верхушки гор начали вырисовываться всё чётче.

К тому времени как уставший мул доковылял до Хайвейла, прошло уже больше половины дня. От колдобистых дорог и долгого неудобного сидения колени ныли, а зад совсем

онемел. Размяв немного затёкшие ноги, Луна зашагала вдоль главной улицы.

В кабак временами заглядывали приезжие, и некоторые любители потрепаться и о здешних местах рассказывали. Когда-то этот город процветал, был жемчужиной региона: изогнутые крыши блестели на солнце, каналы наполняли лодки с парусами из бамбуковых рей, бумажные фонари освещали сады с прудами и каменными мостиками, оживлённые рынки с шелками, специями и чаем кишели людьми в богатых одеждах. Поля вокруг зеленели рисом, а стада буйволов и свиней обеспечивали мясом, молоком и шерстью. Хайвейл дышал гармонией.

Теперь же можно было лишь диву даваться, насколько всё пришло в запустение. Каналы обмелели, земля высохла, потрескалась. Кое-где крыши некогда роскошных домов провалились, внизу лежали осколки черепиц, ширмы истлели, а плющ оплетал фасады.

Мухи кружили над упавшей возле пустой кормушки тушей козла.

Над заросшим бурьяном прудом возмущённо крикнула не нашедшая обеда цапля. Мелькнула тень. Бледная дама в дорогом наряде растерянно застыла, словно искала что-то, но никак не могла найти, а следующий миг растворилась в высокой траве. Луна прикрыла глаза, отвернулась резко и поспешила пойти дальше.

Уличный рынок стоял полупустой. В редких корзинах ле-

жали сплошь корни да порошки, немного яиц, кое-где встречались горшки с соленьями. Мимо вяло переставляли ноги тощие фигуры в выцветших платьях, ребятя со впалыми щеками тихо сновала вдоль рядов, явно высматривая, есть ли чего стянуть, и Луна покрепче перехватила сумку.

И всё же парочку сытых лиц она заметила. У тех и одежда получше, и даже украшения поблёскивали. Бродяжки тоже оживились, но первый смельчак живо получил по рукам, и все разбежались.

Луна остановилась напротив постоянного двора. Краска на вывеске совсем выгорела, и название было не прочесть. У входа на привязи ждала всего одна лошадь.

Дверь скрипнула. Внутри стоял полумрак. Пламя слабо дрожало в лампах, балки над ними потемнели от копоти. На стенах, когда-то расписанных, теперь узнавались лишь смутные силуэты цветов. В камине тлели угли, на полке сверху выстроились в ряд статуэтки Богов — единственное, что не собралось слой пыли. Воздух был тяжёлый, пряный.

Большинство столов в зале пустовали. За одним — трое мужчин пили и перебирали костяшки с хитрыми символами. Игра была Луне не знакома, но звук шуршащих костяшек ей нравился: он почему-то успокаивал.

За другим сидели двое, постарше.

— Сколько там уже без дождя пошло? Третья неделя? — прокряхтел первый. — Поля как камень. Рис даже не коло-сится.

Второй потёр шею, вздохнул утомлённо.

— Не говори... У меня корова слегла. Вчера ещё жрала, а сегодня лежит, глаза стеклянные. Лекарь говорит, вода плохая.

— Сын вчера снова пустой пришёл. Сказал, если так дальше пойдёт — осенью голодать будем.

— Ну, всё же ритуал скоро...

— Думаешь, в храме помогут?

— Не знаю, но староста ж обещал. До этого ведь справлялись. Да, с трудом, но живы до сих пор как-то.

— Ну, будем молиться, что хоть на следующей неделе полёт. А с девицей той, дочкой повитухи, чего? Нашли?

— Да какое там! — отмахнулся его товарищ. — Волки, видать, снова лютуют. Не отыщут уже ничего...

От подслушанного разговора непроизвольно передёрнуло. Что же тут на самом деле творилось?

Луна прошла за стойку и в первый раз удивилась, что никто и головы в её сторону не повернул, не сказал ни слова. Хозяин, худой мужик с длинными седыми усами до подбородка, кивнул.

— Чего желаете?

Во рту и впрямь сильно пересохло с дороги. Голод тоже давал о себе знать, но от волнения кусок в горло не лез.

— Есть что-то освежающее, слабое или вообще не хмельное? В незнакомом месте лучше сохранить ясность ума.

Хозяин молча поставил чашку, налил из кувшина мутной

белёсой жижи. Луна осторожно хлебнула — оказалось вкусно. Прохладный, сладковатый, с лёгкой кислинкой брожения, диковинным привкусом риса и имбиря, напиток ощущался, как прохладный бриз в жаркий день.

Молодой мужчина, сидевший рядом, хмыкнул.

— Мудрый выбор. Особенно для той, кто вознамерилась пойти на верную смерть.

Луна подняла голову, оглядела незваного собеседника: на вид лет двадцати пяти, едва ли сильно старше её самой, но, несмотря на смазливое лицо, покрытые грубыми мозолями и криво затянувшимися глубокими рваными ранами руки не давали обмануться. Из ножен виднелась рукоять меча, на рукаве — бурые следы вьёвшейся крови. На воина не похож... На плече — лисья шкура, из сумки торчал пушистый хвост. Охотник, стало быть?

Тот сидел чуть сгорблено, устало. Даже глаз на неё не поднял, всё в кружку пялился. Сам-то хлестал явно что покрепче, а ей что-то высказывал.

— С чего взял? — огрызнулась она.

— Ну так на местную не тянешь. А с дальних краёв сюда нынче едут не часто и все за одним.

То, с какой уверенностью он говорил, раздражало. Неважно, прав или нет. Батист родным был, ему дозволено отчитывать, а этого в чужие дела лезть кто звал?

— Мой тебе совет, — продолжил он, — забудь. Пережди ночь и возвращайся, откуда пришла. Ну, или делай что хо-

чешь, в лес только не суйся. Ничего хорошего там не найдёшь. А девки молоденькие тут и без того пропадают, сама слышала.

Она усмехнулась, коротко, зло.

— Точно, куда же я без непрошенных советов! Спасибо за заботу, конечно, но если бы хотела знать чьё-то мнение, сама бы спросила. Так что в следующий раз при себе оставь.

Охотник приподнял брови, но не обиделся и не обозлился. Просто улыбнулся, будто ничего иного в ответ и не ждал.

— Как скажешь. Но не говори потом, что не предупреждал.

Луна отвернулась, скривилась. Она солгала бы, сказав, что не страшилась Безмолвного леса, но теперь что-то внутри гнало туда лишь сильнее, назло, наперекор. Однако встречать в том проклятом месте ночь — в любом случае идея сомнительная. Прикончив свой напиток, Луна отставила чашку и махнула хозяину.

— Сколько за комнату?

— Пять медяков за ночь. Еда — отдельно.

Он кивнул на лестницу. Луна заплатила за ночлег и напиток и поднялась по крутым ступеням.

Комната была маленькая: постель, стол да крохотное окно с видом на горы. Снаружи уже стемнело, и город совсем затих. В этой бездыханной тишине ей показалось, что до ушей стали доноситься смех и... музыка?

Луна бросила сумку на пол, прошла к окну, прислуша-

лась, распахнула ставни. Отсюда было отчётливо видно самый конец улицы, где дорога поднималась и уходила за высокую стену с украшенными резьбой воротами — владения городского старосты, стоило полагать. Кому ещё такие роскошества перепадут?

Звуки шли оттуда, тихие, приглушённые расстоянием, но отчётливые: флейта, струны, звенящие на диковинный лад, лёгкий смех. Как напоминание о том, что где-то здесь всё ещё теплилась жизнь. Там, за стеной огни светили ярко, в их свете можно было различить зелень двора, черепица блестяла на ухоженных крышах. Как будто город разделился надвое: одна его часть медленно угасала, пока другая ещё ухитрялась цепляться за бывшее великолепие. Но кто знал, может, и там не всё было так просто?

Луна перевела взгляд обратно на горы, попыталась выцепить взглядом лес, но без толку, из комнаты не видать.

— Ладно, не денется же никуда. И я уж никуда не денусь... — пробормотала она в пустоту, упав на кровать. Солома зашуршала.

Но завтра. Всё завтра. А пока нужно было хорошенько отдохнуть.

Глава 3. Зов сумеречных троп

Сон на удивление был глубоким. Проснулась она, когда солнце уже стояло высоко, а потому задерживаться не стала. На завтрак только осталась. Заплатила вдвое больше, чем рассчитывала, за похлёбку, в которой плавало всего два печального вида куска мяса — и те жёсткие, что челюсть светло жевать. Однако и это было лучше, чем ничего: сил хоть набраться перед дорогой.

С собой завернула лепёшек в платок, на рынке по пути прихватила вяленой рыбы, двинулась в путь. Не думая, почти не глядя. Лишь перед первыми деревьями остановилась, задрала голову, ища макушки, которые, казалось, уходили прямо в небо, теряясь где-то высоко в облаках, вдохнула поглубже, словно собиралась нырнуть в пучину. В каком-то смысле так оно и было.

Ноги сами вели вперёд, туда, где вокруг ни души и никто не услышит крика; где сплошь стволы и густые кусты стояли плотной стеной, шелестели на ветру, будто говорили на незнакомом языке. Тропа оборвалась внезапно. Просто исчезла в траве и корнях.

Луна сделала неуверенный шаг. Земля под сапогом не хрустнула, просто мягко просела. Сквозь переплетающиеся кроны свет едва проникал. С каждым новым шагом тени сгущались.

Она обернулась — лес сомкнулся за спиной. Не буквально на глазах, но дороги назад было уже не видеть, а деревья, наоборот, стали ближе, ветви опустились. Луна остановилась, прислушалась к его шёпоту, прикрыла глаза. Лес молчал, но она знала, что он смотрит. И ждёт её следующего шага.

Как там говорила гадалка? Довериться нутру, чтобы отыскать свой путь? Возможно, стоило воспринимать наставление буквально?

Луна опустилась на колени, достала из сумки сложенную карту, развернула перед собой.

— Ну и куда идти? Какой путь «мой»? Какой должен меня освободить?

Она всё вопрошала, не отрывая глаз от одной точки, но что толку? Карта не ответит. На ней вообще лес — одно пятно, ни ориентиров, ни троп. Сторону света подскажет разве что.

Внутри закипала злость. На неё, на лес, на себя. Чем дольше Луна сидела так, тем сильнее её злила собственная глупость, по воле которой сорвалась сюда. А ещё упрямство, из-за которого всё ещё продолжала таращиться в эту проклятую карту, в надежде... на что, собственно?

— Чушь какая-то, — процедила она сквозь зубы и с ненавистью ударила ладонями по сухой траве. Напряжённые пальцы врезались в землю. Слабый дух тлена ударил в нос. Злость росла, кипела внутри, разливалась под кожей, покалывала, стремилась вырваться. Луна поморщилась, а когда

распахнула глаза вновь, взор застлала красная пелена.

Всё казалось ясным и чужим одновременно, как если бы она вдруг стала сторонним наблюдателем в собственном теле. Не способная сдерживать это, контролировать. Холод пробрал до костей. Не от ветра, изнутри, точно кто-то пробил грудь насквозь и сжал сердце крепко-крепко. Луна выпрямилась, подняла ладони перед собой: полупрозрачная багровая дымка окутывала руки от локтей до кончиков пальцев, медленно обвивала змеёй, дрожала, как рябь на воде. Нечто незримое то ли желало овладеть телом, то ли силилось вырваться наружу.

Луна поморщилась, стараясь замедлить дыхание, удерживать это, но оно давило с нечеловеческой силой. Казалось, ещё немного — и её просто переломит от напряжения. Позвонки хрустнули, воздух шумно выбило из лёгких, тяжесть в плечах давила мёртвым грузом... А в следующий миг Луна почувствовала ледяную хватку на запястье, словно гадалка снова держала её и теперь тянула. Тянула за собой куда-то дальше, вглубь. Не в состоянии сопротивляться, Луна подчинилась этой незримой силе.

Ноги путались в корнях, утопали во мхе. Острые сухие ветви царапали лицо, колючие кустарники изорвали подол юбки в клочья. Сколько она уже продиралась? Время здесь текло будто бы иначе. Наконец, последний мощный рывок протащил её сквозь густую листву, выбросил на поляну, и всё прекратилось.

Луна повалилась без сил. Голова шла кругом, в теле поселилась страшная слабость, а скудный завтрак грозился вот-вот выйти обратно. Тяжело дыша, она перекатилась на спину, раскинула руки и бездумно уставилась в кусок неба, проглядывающий в расступившихся кронах.

Да уж, подобного с ней ещё не случалось... Наваждение какое-то.

Немного переведя дух, она приподнялась на локтях, чтобы осмотреться, и не поверила своим глазам: поляна, светлая, цветущая, была будто бы не отсюда, не из этих мест, даже не из этого времени года. Отчего-то здесь делалось так спокойно, что Луна на мгновение почти позабыла о том, куда отправилась и зачем. Трава была зелена, мягкая, как пуховая перина; яркие бутоны — белые, сиреневые, пурпурные — радовали глаз; над ними порхали первые бабочки. Солнце освещало этот островок безмятежности и дарило тепло, а где-то неподалёку журчала вода.

Луна поднялась, неспешно прошла вперёд, останавливаясь, чтобы рассмотреть растения: что знакомо, что могло пригодиться, а что встретилось впервые. Собрала горсть ягод, в съедобности которых была уверена. Тут же совсем рядом зашуршали кусты. Инстинктивно она напряглась, готовая сорваться, как вдруг из листвы показалась голова оленёнка. Тот глядел на неё большими глазами, с любопытством, но настороженностью. Очень медленно, стараясь не спугнуть животное, Луна протянула руку, но и этого оказалось доста-

точно, чтобы оленёнок тут же дёрнулся и скрылся в зарослях.

Тихий рокот вывел её к небольшому ручью, настолько чистому, что было видно дно, тянущиеся за потоком нитями голубоватые водоросли и даже мелких рыбёшек, резво проплывающих у самой поверхности. Здесь вода оставалась ещё спокойной, но выше по течению бурлила и билась о камни. Луна присела на корточки и стала слушать. Звук убаюкивал, и хотелось просто лечь, закрыть глаза и впитывать в себя эту умиротворяющую энергию нетронутой людьми природы. Быть может, путь, о котором говорила мадам Мари, и заключался для неё в том, чтобы слиться с этим воедино? Она бы смогла...

Поддавшись порыву, она опустила пальцы в воду — та оказалась удивительно тёплой. Хоть прямо сейчас обувь снимай да прыгай. Ей в самом деле захотелось так и поступить, но неожиданно земля содрогнулась. Раз — и всё затихло. Потом другой. Будто далёкие шаги какого-нибудь великана, о каких сочинял бродяга Олан... Луна насторожилась, оглянулась, но ничего не увидела. В третий раз тряхнуло так, что опора ушла из-под ног, кругом резко потемнело, а из чащи потянула смердящая разложением хмарь.

Колено садануло в падении. Луна едва успела выставить ладони, чтобы не разбить нос. От боли она тихо зашипела, а затем застыла, ошарашенно наблюдая немыслимое: сухая листва, обломанные ветки и мелкие камушки — всё, что свободно лежало вокруг, начало плавно взмывать в воздух и об-

ращаться в прах. Зрелище настолько потрясло, что девушка совсем потерялась и не слышала быстрых приближающихся шагов. Лишь когда чья-то тень нависла над ней, она очнулась от оцепенения и подняла голову.

Рядом возвышалась знакомая фигура. Взъерошенные волосы, перепачканные в пыли и грязи, торчали во все стороны. Моложавое лицо исказила злая гримаса, дыхание сбилось, глаза — дурные, беспокойные. Меч в руке был окроплён чем-то чёрным, склизким; такие же следы вперемешку со свежей кровью теперь покрывали и воротник, и рукава, и шкуры.

— Что за... — начала было она, но мужчина не дал договорить, схватил за локоть, нахмурился.

— Говорил же держаться подальше. Пойдём.

Голос его прозвучал грозно, и всё же в нём слышался... страх. Сам охотник то и дело косился назад, выглядывая что-то в надвигающемся мороке. Луна тоже попыталась проследить за его взглядом, потому что суть происходящего от неё пока ускользала.

— Да что там? Что стряслось? Что происходит?!

— Тише ты, — шикнул он и вновь обернулся.

Движение слабое, неуловимое: сквозь стелющееся тёмное облако к ним в самом деле подбиралось нечто.

Не успела Луна спросить ещё хоть что-то, как охотник грубым рывком заставил подняться на ноги.

— Быстрее, шевелись. Нужно уходить, если жизнь дорога.

Он толкнул её в спину и устремился прочь, назад в чашу леса, подальше от того, что неумолимо приближалось с другой стороны. Ей только и оставалось, что хлопать ресницами и открывать рот, но слов не нашлось, потому что позади громко лязгнуло. Краем глаза она успела заметить лишь мелькнувшее и с громким треском врезавшееся в землю лезвие. Настолько огромное, что боязно было представить того, кто мог его держать. И Луна побежала. Бросилась за охотником в самую гущу. Не отставала ни на шаг.

Звук, раздавшийся позади, заставил сердце забиться быстрее, на пределе. Не крик, не стон и не вой — зловещий вопль свирепой ярости, неистовства. Истошный, нечеловеческий, он напоминал скрежет ржавого металла, скребущий по самому нутру. И звук этот становился всё ближе и ближе. Под кожей растекался жар, всё остальное само собой отступило далеко на задний план. Единственное, что оставалось явным, — острое чувство того, что в спину им дышало настоящее зло.

Луна бежала без оглядки, сама уже не знала, как долго, но в какой-то момент в голову закралась одна простая мысль: зачем? Зачем она продолжала следовать за ним? Чтобы ни гналось за ними, преследовало оно охотника. Так для чего подставлять себя и двигаться за мишенью?

Луна затормозила и резко свернула влево. Бежала не останавливаясь, пока окончательно не выбилась из сил и не поняла, что за спиной всё стихло. Вроде оторвалась... Немного

сбавив темп, она проскочила через очередную стену кустов и вышла на более-менее открытый участок. Деревья здесь стояли реже, однако конца и края им всё равно не было видно. Был ли у этого леса вообще конец? Похоже, что конец — только ей. Судьба привела её сюда, чтобы подвести черту. Разумеется, самым ужасным из всех возможных способов.

Доверившись затишью, Луна остановилась и упёрлась руками в колени в попытке отдышаться. Воздух выходил с сухим хрипом, грудь поднималась и опускалась слишком часто, ноги подгибались от усталости. Пот стекал по спине, одежда прилипала к телу. Во рту пересохло. Сейчас бы вернуться к тому ручью, промочить горло, но боязно. Да и как его отыскать теперь? Плутала ведь без разбора. А тут — сплошь высокая трава, булыжники да деревья, деревья, деревья...

Луна присела на один из поваленных стволов, вытерла лицо краем накидки. Сердце ещё колотилось, но уже успокаивалось. Небольшой привал — и можно будет двинуться вновь. Знать бы ещё куда.

Неожиданно раздался рык. Глубокий, низкий, от которого волосы вставали дыбом. Луна застыла, нехотя повернула голову — из кустов, оскалив пасть, вышел волк. Серый, большой, такой и здорового мужика повалит одним прыжком. Уши были прижаты, шерсть вздыблена на загривке, с длинных клыков капала слюна. Мощные лапы расставлены широко, готовые к броску. Волк смотрел прямо на неё.

— Хороший зверюга. Хороший.

Медленно, стараясь не делать резких движений, Луна поднялась. Тот зарычал громче. Следом вышел другой, поменьше, но с таким же угрожающим оскалом. Справа, из бурьяна — ещё один. Они обступили её полукругом, хищные глаза горели. С поднятыми руками Луна осторожно шагнула назад, не отводя взгляда от вожака. Ещё шаг. Волки не двигались, но рык усилился.

Вдруг над ухом просвистело. Мимо пролетела стрела и воткнулась в пенёк возле первого волка. Кора треснула. Звери дёрнулись, подняли уши, сорвались с места. Луна замешкалась, но тоже рванула прочь. Позади послышался свист — ещё стрелы. Одна пролетела прямо над головой, другая воткнулась у ног. Третья задела. Плечо обожгло. Горячая кровь потекла по локтю, закапала с кончиков пальцев, но девушка не останавливалась, бежала неровно, петляла из стороны в сторону. Перепрыгивала через камни и поваленные стволы.

Ноги заплетались, юбка цеплялась, путалась. Корни будто ожили, вылезли наружу и норовили схватить. Силы кончались, воздуха не хватало, очертания окружающего мираплыли, качались; цвета смешивались, деревья накренились. Луна споткнулась, но продолжила бежать.

Рана ныла, пульсировала, горела, огонь постепенно распространялся по плечу. Внутренности сдавило, к горлу гадко подбиралась желчь. С каждым новым упрямым шагом удерживать тело становилось труднее и труднее.

— Да за что же мне это...

Надо же! Столько лет прошло, а она по-прежнему задавалась вопросами, на которые никогда не получит ответов.

Её тянуло вниз. Сперва опустились плечи, потом Луна согнулась почти пополам под тяжестью собственного веса, начавшего отчего-то казаться неподъёмным.

Неужели яд? Но какой?

Ноги дрожали, и ей приходилось хвататься руками за всё, что попадётся, но она упорно продолжала тащить себя дальше.

Нельзя. Нельзя останавливаться. Здесь и сейчас — это равносильно смерти.

Но у глупого тела было иное мнение на этот счёт. Головокружение накатывало волнами, конечности немели. И когда Луне показалось, что впереди она видит какой-то свет, колени предательски подкосились. Она не заметила, как открылся обрыв. Нога ступила в пустоту. В последний момент Луна попыталась ухватиться за ветку, но та поплыла перед помутневшим взором, а пальцы не слушались, соскользнули. Она успела лишь издать короткий вздох, прежде чем сорваться и покатиться по склону. Пыль, острые камни, обломки, щепки — всё смешалось в одно. Её словно засосало в сердце урагана. Удары, ещё удары... А затем всё прекратилось.

Боль расползлась. Хотелось подняться, продолжить хотя бы идти, но не выходило. Зрение стало совсем размытым. Лёжа в куче грязи и листьев, дыша слабо, прерывисто, Лу-

на продолжала настойчиво тянуть руки, раздвигать кусты перед собой. Шипы кололи, царапали, но всё же боль помогала оставаться в сознании. В затылке пульсировало от одного из ударов во время падения. Ей казалось, что её лихорадит — даже несмотря на то, что почва ещё оставалась холодной, ей было жарко, как в печи.

И вот, наконец, сквозь листву показалось пространство, широкое, открытое. У неё не получалось сфокусировать взгляд, но на проклятый лес это было, по крайней мере, уже не похоже. Кое-как продвинувшись вперёд, Луна заметила огни, те самые, что мерещились наверху. Она едва ли могла разобрать, что именно находилось там, посреди горной равнины, но в свете костров громадный силуэт выглядел то ли как развалины древнего дворца, то ли как храм. Чего ей в голову не приходило, так это мысли, что если вокруг горит огонь — значит, его кто-то зажёл.

Вот оно! Укрытие! Спасение! Только руку протяни! Но в её состоянии даже такое расстояние стало вдруг непреодолимым. Луна попробовала встать на четвереньки, но потерявшие чувствительность колени и ладони не позволяли на них опереться, и девушка тут же рухнула обратно. Воздух вышибло из груди. Тогда Луна вытянула руку и просто вонзила пальцы в землю. Затем то же самое проделала другой. Крошечными движениями помогала ступнями, лишь бы ползти. Поразительно даже для неё самой — такой жаждой жизни никогда прежде не отмечала. Всегда ведь выбирала пути

наименьшего сопротивления: промолчать, удрать, спрятаться, забиться в угол и ждать, когда всё пройдёт само собой либо прикончит её... Но здесь всё почему-то перевернулось с ног на голову. И теперь Луна сама пугала себя сильнее, чем прежде, боялась, что если сдастся — будет ещё страшнее.

Грязь глубоко забилась под ногти. То расстояние, что нормальный человек без труда преодолел бы в пару шагов, она ползла уже невесть сколько, а связь с реальностью таяла с каждым вдохом. Наоборот, свет будто отдалялся, растворялся в надвигающемся мраке. Линия горизонта качнулась так сильно, что всё вокруг завертелось. Не в состоянии больше удерживать тяжёлую голову на плечах, Луна уронила её. Голова ударилась о валун. Перед глазами лишь мелькнуло яркое пятно и вроде бы чьё-то лицо, прежде чем всё окончательно растаяло и померкло.

Глава 4. Святилище

Слухи по городу всегда распространялись быстрее ветра. Даже о тех, от кого обычно держались подальше. *Особенно* о тех, от кого обычно держались подальше. Точно так же, за одну ночь, разошлась и молва о том, что девочка у Ирен появилась на свет мертворождённой. А потом вдруг заплакала. И крик этот ознаменовал начало ещё долгих лет несчастий.

Чужие голоса окружали, сжимали теснее, не давали сбегать, и страх склизкими щупальцами обволакивал изнутри. Её загнали в ловушку.

Обычно она избегала оживлённых улиц, но несколько дней проливных дождей совсем размыли дикие тропы, а рощу и прогалины залило так, что ноги могли легко увязнуть по колено, поэтому пришлось нарушить правило. Лишь когда дома остались позади, а дорога на пути домой вывела к топкому, заросшему озеру, Луна поняла, в какую передрагу угодила.

Они шли за ней. Шли всё это время. Следили, выжидали момент. Большое открытое пространство, где не спрятаться, не укрыться от косых взглядов. Не помогут ни капюшон, ни длинные волосы. Луна слышала их шаги за спиной, по привычке опустила голову, ссутулилась, стараясь казаться меньше, будто так её не заметят, хотя уже знала, что было поздно.

— Покойница-пустышка по полю идёт! Не подходи, не

трогай — дыхание заберёт! — слышалась совсем рядом насмешливая песенка.

— Эй, пустышка, кто ж тебя из болота выпустил?

За звонким тоненьким голоском зазвучали другие, а за ними — чавкающий звук сырого глинозёма от стремительно приближающихся нескольких пар ног. Луна опустила голову ещё ниже, вперила взгляд в сапоги, но невидимой от этого так и не стала. Прибавила шаг, но дети быстро нагнали её.

Кто-то выскочил вперёд, преграждая путь. Пришлось притормозить. Так и не поднимая головы, Луна завертелась, но выхода не нашла. Дети зажали её в кольцо. Заперли в капкан, непроницаемый купол из смешивающихся друг с другом голосов и смеха.

— Эй, пустышка, чего же не выходишь с нами играть? Мы тебе не милы?

— Да нет! Боится, что на солнце поджарится.

— Пустышка, пустышка! Ничего в ней нет!

— Скажи нам, кто твой папаша?

— Да она не знает! Никто не знает.

— Слыхала, её мама ночами уходит нагая в лес и танцует с нелюдью, — ехидно прозвучало откуда-то слева.

— Верно! Как иначе она до сих пор выглядит как девчонка? — ответили сзади.

— Брехня! Шлюха её мамаша, обыкновенная. Из-за неё, говорят, отца Луизы из дома погнали.

— А почему тогда вокруг её дома ничего не растёт? Там

сама земля проклята! — возразил кто-то справа.

— Эй, пустышка! Ответь нам!

— Чего молчишь?

Гул голосов нарастал. Громче, громче... Их становилось всё больше, они звучали, как кошмарный хор, от которого хотелось скорее закрыть уши и убежать. Так Луна и поступила: прижала ладони, замотала головой, попыталась пробиться, оттолкнуть кого-нибудь плечом, чтобы вырваться из круга, и, наконец, ей удалось. Но едва она успела сделать шаг, как в спину что-то больно ударило. Луна ахнула. Новый удар пришёлся в плечо. Ещё один, снова в спину. Острый край брошенного камня рассёк кожу. Девочка ускорила, но в панике споткнулась и упала на колени.

Раньше они не заходили так далеко, ограничивались словами. Дети не прекращали смеяться и выдумывать небылицы, но она просто игнорировала их, пропускала мимо ушей или делала вид, что не слышит. Но в этот раз что-то пошло не так. Но почему? Им было мало? Скучно? Или так они почувствовали безнаказанность? Луна не знала, да это и не имело теперь значения.

Она пригнулась, прикрыла руками голову, в то время как смех становился всё звонче, а камни продолжали лететь в её сторону. Дети нагнали, а она свернулась в комок и только дрожала, пока слёзы катились по щекам.

— Не надо... пожалуйста...

Её слабый голос был еле слышен, он терялся в гомоне тол-

пы.

«Дети могут быть жестокими», — твердили люди. Но никто будто бы не воспринимал слова всерьёз. И как быть, когда их жестокость направлена на тебя? На это никто не давал ответа. Мама отмахивалась, мол, потерпи, забудь, всё само собой пройдёт. Оставалось лишь стискивать зубы, потому что *их* больше и *они* злее.

Чей-то сапог пнул под рёбра, и Луна подавилась воздухом. Внутри всё сжалось, сдавило от боли, от обиды, от непонимания того, чем она это заслужила.

— Отвечай нам!

— Что ты там пищишь? Язык отрезали?

— Знаю! Проверим, действительно ли она такая невинная, какой притворяется! Тащи её в воду! Выплывет — значит, сама с нелюдью якшается.

— А если помрёт?

— Тогда уже не важно будет.

Смех разливался, звенел в ушах. Луна не успела ничего понять, как несколько пар рук схватили и поволокли к озеру, а потом всё стихло. Была только вода, мутная, тяжёлая. Кто-то давил на плечи, кто-то держал за волосы. Она забилась, принялась извиваться, лягаться, но никто и не думал отпускать. Тогда она притихла: в воде было что-то ещё.

Из глубины поднялись силуэты. Сперва размытые тени, но вскоре стали различимы лица — синюшные, распухшие, с белёсыми глазами. Они все тянули к ней руки, норовили

схватить. Объятая страхом, Луна забилась вновь, закричала, но вместо вопля изо рта вырвались пузыри, а вода хлынула внутрь, горькая, с привкусом тины.

И тогда вместе с паникой пришло нечто новое. Чувство, незнакомое прежде, у неё не хватило бы слов, чтобы верно его описать. Будто внутри шевельнулось что-то, заклокотало. Сначала тепло, потом жар, незнакомый, живой. Его становилось всё больше, и ей стало казаться, что оно способно попросту разорвать её изнутри.

Мертвецы подобрались уже совсем близко. Один коснулся щеки, другой обвил отёкшие склизкие пальцы вокруг шеи... и тогда оно вспыхнуло. Густая багровая дымка заволокла взор, разошлась волной, а затем всё так же внезапно стихло. Утопленники исчезли. Хватка и наверху ослабла. Луна вынырнула, кашляя, хрипя.

Смеха больше не было. Как не было и ударов. Не было вообще ничего. Осторожно подняв голову, Луна медленно открыла глаза. Трава вокруг примялась. Дети, что ещё недавно толпились над ней, отползали подальше, глумливое веселье на лицах сменилось первозданным ужасом.

Кое-как поднявшись на ноги, она сделала первый неровный шаг. Мальчишка, сидевший на земле ближе других, подавился всхлипом.

— Не подходи... — сбивчиво забормотал он и выдохнул шёпотом: — Аджэ!

«Аджэ! Аджэ!», — вторили голоса остальных, пока Луна блуждала в темноте.

Постепенно мрак всё же начал рассеиваться, но очертания предметов по-прежнему оставались нечёткими, плавающими. Она не понимала, где находится, поначалу не могла даже вспомнить последние несколько дней.

Первым в глаза бросился потолок с балками из чёрного дерева и вырезанными узорами журавлей и лотосов, переплетающихся со змеями — символами Богов Неба, Воды и Земли, по-видимому. Неужели, в самом деле храм... Стало быть, свет, который она видела, прежде чем отключиться, исходил от пламени, что надлежало всегда поддерживать в честь Бога Огня.

Затем она заметила окно, узкое, арочное, заросшее плющом, сквозь которое пробивалось слабоесияние луны. Все недавние события начали понемногу складываться, отзываясь при этом гудящей болью в висках. На языке остался горький привкус. Желудок слегка крутило.

С усилием поднявшись, Луна огляделась. Комната была ей незнакома, как сюда попала и где это «здесь» девушка тоже не представляла. Одна стена была из камня, старого, поросшего мхом и тонкими корнями, пробивавшимися сквозь трещины. Три другие — деревянные, будто пристроенные к древним руинам. Пол — из циновок. Сама она лежала на тонком матрасе. Рядом стояла глиняная чаша с водой, подле неё — тряпица, ещё влажная. Сумка с вещами находилась

там же.

Раненое плечо кто-то перевязал. Голова кружилась, тело ныло. Пытаясь справиться с болью, Луна приложила вечно холодные ладони ко лбу, но глаз не прикрыла, продолжая осматриваться, гадая, какой ещё беды стоит ожидать. Но всё было подозрительно тихо. Быть может, она и впрямь могла позволить себе передышку? Ей это было необходимо. Чтобы убраться подальше, нужны были силы. Она выдохнула, откинулась назад.

Совсем чуть-чуть. Она посидит так совсем чуть-чуть. А потом можно будет начать думать.

Но едва ей удалось расслабиться, как раздвижная дверь из тонких реек и бумаги отъехала в сторону, а незнакомый голос заставил едва не подпрыгнуть на месте.

— Уже очнулась? Хорошо. Очень хорошо.

Вся сжавшись и ошалело вытаращив глаза, Луна с тревогой смотрела на человека перед собой. Мужчина, высокий, плечистый, в длинном одеянии цвета ночного неба, сшитом прямо, почти без изгибов, с широким воротником и рукавами, слегка поклонился. С тёмной кожей, крупными чертами лица, полными губами, и большим, круглым, слегка сплюснутым носом, он сильно отличался от жителей Хайвейла. Тянул уж скорее на южанина, однако сухие непослушные волосы были собраны на затылке на манер местных, а одежда походила на наряды храмовых прислужников, коих на востоке, по словам странствующих торговцев, было куда больше, чем

в других краях материка. Как, впрочем, и самих храмов, да и те отличались. Поговаривали, что на севере и в здешних краях к Богам взывали чаще, празднования и церемонии тоже расходились: были скромнее, строже, а обряды и ритуалы, напротив, — более суровыми.

Голос мужчины был тихим, а взгляд мягким. Откровенно говоря, он совсем не выглядел опасным, но в этом месте она была уже ни в чём не уверена. Рука машинально потянулась к поясу, нащупала в складках спрятанный клинок — это немного успокоило.

— Он тебе не понадобится, — улыбнулся мужчина. — Никто здесь не причинит тебе вреда.

Он не приближался, не делал резких движений, но выглядел при этом абсолютно расслабленным. Так обычно ведут себя с дикими животными, и на Луну, к её удивлению, это тоже произвело эффект. Напряжённые плечи опустились, инстинкт, подмывающий бежать, постепенно слабел.

— Меня зовут Коффи. А тебя?

Она продолжала смотреть на него исподлобья. Сомневалась.

— Лу.

— Просто Лу? — с лёгким замешательством переспросил Коффи.

— Просто Лу.

— Что ж, Лу... — будто пробуя её имя на вкус, протянул он, отвёл глаза и с загадочной ухмылкой, глядя куда-то в пу-

стоту, продолжил: — Плавать в бурю — храбрость. Но гулять по лесу с волками... безумие.

— Что? Где я?

— В безопасности, — уклончиво ответил тот и сделал первый осторожный шаг навстречу. — Ты быстро проснулась. Это хорошо. Яд действует стремительно, но тебе повезло оказаться рядом. Может ещё немного мутить, но это нормально. Скоро тело само справится с тем, что осталось в крови.

Луна непонимающе уставилась на него. Слова вроде звучали складно, но понять, что происходит совсем не помогали, а только оставляли больше вопросов. Мужчина, уловив её замешательство, улыбнулся шире и кивнул на дверь.

— Пойдём, ночь не ждёт.

— Куда? Нет... Кто вы? Что сделали со мной? Что здесь вообще происходит?

Тысячи вопросов, крутящихся в голове, обрушились разом, и она начала один за другим озвучивать их.

Коффи подошёл ближе. Луна замотала головой, но он всё равно протянул руку и глядел так пронзительно, но спокойно, словно видел все её помыслы, от страха до сомнений, и она сама не поняла, как вложила ладонь в его. Он помог встать, поддержал под локоть, повесил сумку на здоровое плечо.

— Всё хорошо. Далия поможет тебе. Далия поможет всем нам.

Словно околдованная его глубоким убаюкивающим голо-
сом, Луна покорно проследовала за мужчиной. Он вывел её
из комнаты, и взору открылся просторный двор — квадрат-
ный, окружённый увитыми лианами колоннами. Деревянные
пристройки с изящной резьбой и блестящими пагодами
очерчивали три его стороны и замыкались древними камен-
ными развалинами, что стояли здесь, будто с начала времён,
но при этом, несмотря на разрушенную местами кладку, вы-
мытое дождями и истерзанное ветрами, это монументальное
строение всё равно внушало благоговейный трепет.

Повсюду на треножниках горели костровые чаши. Пламя
танцевало ровно, без дыма. У ступеней старого храма проход
сторожили статуи — фигуры в длинных одеяниях, чьи лица
уже истёрло время. Рядом находился низкий каменный ал-
тарь, на котором без сознания лежал человек. Тот показался
смутно знакомым. Усталым затуманенным взглядом Луна не с
первого раза поняла, что на алтаре был охотник.

Вокруг, по периметру, молчаливыми истуканами стояли
мужчины — кто с длинным, необычайно тонким клинком,
а кто с луком и стрелами, — но у всех до единого взгляд
неестественно пустой. Словно не люди, но куклы, охраняв-
шие это место.

Небо над двором было чистым, звёзды ярко горели. В воз-
духе ощущалась прохлада и что-то ещё, присутствие кого-то
незримого, но шедший неизвестно откуда запах благовоний
сбивал с толку и не давал сосредоточиться. Такой был ей

незнаком. Тяжёлый, едкий, он отчего-то пьянил и без того затуманенный разум. Луна старалась ухватиться хоть за одну мысль, но те ловко ускользали и терялись в этом мареве. Как странно...

— Что всё это... — пробормотала она. — Кто такая Далия?

— Ты в моём святилище и смеешь спрашивать? — мелодичный женский голос прозвучал с едва уловимой насмешкой.

В сопровождении двоих таких же безэмоциональных, с каменными лицами и отсутствующими взглядами, стражников из прохода древнего храма спустилась молодая женщина. Одежды на ней было так мало, будто холода ей вообще нипочём: босая, лишь юбка из двух длинных лоскутов шёлка спереди и сзади да украшенные драгоценными камнями на манер ожерелья бронзовые пластины нагрудника, что едва прикрывали самое необходимое, оставляя тонкую талию обнажённой. При этом, несмотря на ночную свежесть, на смуглой коже даже мурашек не выступило.

Множество браслетов звенели на исписанных причудливыми узорами руках с каждым изящным шагом, тяжёлые, достающие до самой поясицы каштановые волосы легонько колыхались в такт. Прищуренные глаза смотрели хищно, цепко. Женщина выглядела чудно, таинственно и завораживающе, однако Луне при этом отчего-то совсем не казалось, что незнакомка настроена доброжелательно. От неё так и ве-

яло... презрением?

— Приводишь сюда чужака. Уже во второй раз, — тихо, но с плохо скрываемой угрозой в голосе обратилась она к Коффи.

— Далия, я... — начал было тот, глядя при этом на жрицу с диковиной смесью опаски и обожания, но договорить не успел. Далия вновь обернулась к Луне.

— Мало кто из посторонних видел храм. И лишь немногие были внутри. Что ты забыла здесь?

— Я? Я... не знаю. Не это место я искала. И точно не помню, как очутилась тут. Просто бежала. Сперва от какого-то чудища, потом от волков, пока... Стойте, это ведь они? Ваши люди подстрелили меня, верно? Тогда-то силы и покинули, а очнулась уже здесь.

— Это вышло случайно. Тебя не должно было быть там, — проговорил Коффи с сожалением. Жрицу же, казалось, обстоятельства не волновали совсем. Другие слова зацепили её внимание.

— Бежала? Интересно... Значит, они слабеют, — отрешённо пробормотала она самой себе, а затем снова подняла высокомерный взгляд изумрудных глаз на Луну. — Но это место — не приют для страждущих. Убирайся!

Тёплого приёма девушка не ждала, но жрица говорила так, будто бы она специально вторглась в храм, чтобы нарушить его покой. Опять её винили в том, что было ей неподвластно. Видимо, некоторые вещи никогда не изменятся. И

это злило. По-настоящему злило. Бессознательно и так сильно, что Луна не думала, прежде чем открыть рот и огрызнуться жрице в спину:

— Не очень-то и хотелось! Меня тут быть не должно. Ни здесь, ни в поганом лесу! Я жаждала спасения, и судьба завела сюда. Если думаешь, что я сама этому рада, то ошибаешься! И помощи я не ищу, потому что знаю, что не смогу найти!

Ладони крепко сжались в кулаки, а голос от злости и обиды дрожал, пока вдруг не зазвучал странным эхом. Словно вместе с ней говорил в унисон кто-то ещё. Услышав это, Далия остановилась и резко повернулась назад. Плавно качая бёдрами, она вновь подошла ближе и принялась разглядывать девушку, как какой-то загадочный артефакт.

— Как занятно, — протянула она. Её меланхоличный тон и медленные движения не то чтобы успокаивали, но вводили в какое-то подобие транса. Далия мягко взяла Луну за руку и принялась рассматривать рисунки на кистях. — Искусно. Но они не помогут тебе раскрыть твою суть.

— Что?

Она окончательно запуталась. Этот храм, люди, всё, что они говорили, казалось похожим на беспокойный сон тяжело больного. Она отчаянно пыталась поймать смысл, но тот ускользал всё дальше. Может, она на самом деле сейчас всё ещё оставалась где-то там, в лесу, умирала от яда?

— Татау на руках — знак того, что ты особенный, что в те-

бе заключена душа воина, — наконец пояснила жрица, указав на своих людей. Тогда Луна заметила, что и у лучников кожу покрывали витиеватые орнаменты. У многих рисунки повторялись. Но, откровенно говоря, гораздо больше внимания всё же привлекало оружие в этих руках. От него и от вида этих бесстрастных каменных лиц становилось не по себе.

— Душа воина? Нет, отыскать ту старуху-отшельницу, которая занимается этим, должно быть, со времён первых переселенцев, было не так уж просто. Да и терпеть днями напролёт иглу, врезающуюся в плоть точка за точкой... тук-тук-тук, тук-тук-тук, до самого рассвета, дни напролёт... Не развлечение — пытка. Жгло, драло так, что глаза выкатывались от боли. Но «воином» после этого себя назвать? — по привычке съязвила Луна и фыркнула. — Преувеличение, как по мне.

Далия скривилась, однако ответила всё так же невозмутимо.

— Скажи мне, спасение, которого ты так желаешь, где ты собиралась его найти?

— А то вы сами не догадались, что у Древа Маву. Зачем ещё кому-то идти в этот лес?

— Ты не найдёшь его, Древо. Оно не позволит тебе.

— Не позволит? Кто? Та штука, что гналась за охотником?

— Ты знаешь, что случилось с городом?

Луна неуверенно покачала головой. Говорили всякое, но

слухи всегда разнились. Верить им — всё равно что верить сказкам. Тогда жрица продолжила.

— Много лет назад лесной дух пошёл против воли Богов и оказался проклят ими, обращён в зверя, чей голод неутолим, и обречён на вечные муки. С тех пор его ненависть только растёт, злоба отравляет наши земли и воду, насыляет болезни и непогоду, губит урожай и скот. Волки убивают наших людей, а сам хозяин леса забирает себе юных дев, чтобы питаться их жизненной силой, кипучей, невинной кровью, — шагая медленно, плавно, говорила Далия в пустоту. — Борьба не заканчивается. Такого противника не одолеть просто так. Лишь избранный сможет убить проклятого духа. Поэтому нашему народу нужен великий воин. Я помогаю им, — указала она на вооружённых мужчин вокруг. — Помогаю встать на этот опасный путь и пройти его до конца. Могу помочь и тебе...

Жрица резко остановилась и обернулась к Луне, отчего та вздрогнула.

Помочь? Чем эта женщина могла помочь? Гадалка говорила не о ней, но что, если... Нет. Что-то во всём этом казалось в корне неправильным. Луна не была уверена, что именно, но жрица ей не нравилась: слова у неё слишком мутные, взгляд слишком дурной, а люди, что собрались вокруг, выглядели уж больно пустыми, безжизненными, точно были способны двигаться и действовать только по команде да подыхать без причины и смысла, не задавая вопросов. Но то

были их проблемы, верно? А если кто-то предлагал помощь, имела ли она роскошь отказывать?

Далия оглянулась на одного из своих сопровождающих и бросила тому короткую фразу, на диалекте, который Луна не могла разобрать. Тот скрылся, а вскоре вернулся с кувшином и передал его жрице. Она же склонила голову на бок и, продолжая сверлить девушку околдовывающим взглядом, протянула кувшин ей. Луна колебалась. Приняла неохотно. Опомнившись, бросила взгляд на охотника, который до сих пор не пришёл в себя. Тело его били судороги, словно в бреду.

— Что это? То же, что предложили ему?

— Чтобы встать на путь воина, требуется огромная сила. Я помогу ему, если он справится. Я смогу направить и тебя. Выпей. Если не боишься, конечно.

Луна поднесла кувшин к губам, но помедлила. Принюхалась. Нахмурилась.

— А эта штука меня не убьёт? — подняв глаза на жрицу, усмехнулась она, но смех тревогу унять не помог. Как и еле заметная улыбка жрицы.

— Не убьёт. Если ты не слаба.

Отличный ответ! Уверенности не прибавил совсем. Но что ей было терять? Она могла продолжить поиски и сгинуть, либо вернуться к прежней жизни, назвать которую счастливой язык не поворачивался. Худший исход — смерть. Но в таком случае все её невзгоды на том и закончатся, и ничто

уже не будет иметь значения.

Ко всему прочему, жрица говорила с вызовом, а взглядами свысока Луна уже была сыта по горло. Или всё дело в этом удушливом запахе благовоний, который проникал всюду, вытесняя и здравый смысл, и волю...

— Ладно. Пускай оно всё катится!

Луна поднесла узкое горлышко к губам и сделала большой глоток непонятного снадобья. Жидкость горчила, вязала во рту, просилась из горла обратно. Подавив позыв, Луна проглотила и вернула кувшин жрице, чья улыбка стала заметно шире. В хитро прищуренных глазах отражались танцующие языки пламени.

— Тебе лучше присесть. Если выживешь — поговорим, — тихо произнесла она, прежде чем развернуться и зашагать назад, к закрытым вратам храма.

Проводив её взглядом, Луна заозиралась — вместе с движением головы в движение пришло и всё вокруг. Терраса под выносом крыш, чаши, алтарь, высокая сосна в центре двора — очертания всего размывались, начинали мутнеть, не поспевали за глазами. Похоже, ей действительно стоило присесть. Или лучше даже прилечь. Чем ближе окажется земля, тем лучше.

Шаги давались с большим трудом. Сохранять равновесие в разгоняющемся круговороте становилось непосильной задачей, поэтому двигалась Луна медленно, но продолжала идти к дереву, пока её не качнуло так сильно, что показалось,

будто под ногами разверзлась бездонная яма. В тот же миг девушка упала на колени, едва успев выставить руки, чтобы опереться хоть на что-то. Весьма сомнительная опора, потому что и руки уже перестали быть чем-то твёрдым и теперь скорее напоминали куски кожи, набитые соломой. Локти подгибались. Луна попыталась податься вперёд, чтобы ухватиться за ствол, тёмный, с шершавой, похожей на сухую чешую корой, испещрённой глубокими трещинами, но, так и не добравшись до цели, легла в мягкую траву на том же месте и перевернулась на спину.

Веки тяжелели, но пока сил ещё хватало, она продолжала смотреть на раскинутые ветви. Они росли не беспорядочно, а по какому-то своему точно выверенному шаблону, ритму... Ей показалось, что она слышит их песнь. Они изгибались неестественно, точно сломанные и сросшиеся заново, а на концах, уставшие держать собственный вес, клонились тяжёлыми кистями. Капли смолы застыли на них длинными слезами. Тёмно-зелёные жёсткие иглы мерцали в лунном свете. Ветер подул, но сосна не зашелестела. Она зашептала, низко, неразборчиво. Ветви зашевелились, потянулись, обернулись когтистыми лапами. Небо в просвете за ними закружилось. Всё стало закручиваться в спираль, а затем низверглось на Луну, затягивая в долгий полёт прямо в сердце воронки, где зияла непроглядная чернота.

В темноте не было больше ничего: ни звуков, ни запахов, ни малейшего проблеска света. Казалось, не было даже воз-

духа, но почему-то Луна всё равно продолжала дышать. Под ногами — тоже сплошь пустота, но ведь на чём-то же ноги стояли? Или это просто падение, которого она не чувствовала?

Аккуратно, неспешно Луна попыталась сделать первый шаг. Да, она определённо двигалась... но вот куда? И был ли смысл идти, если нет точки назначения? А смысл стоять на месте? И как ей получить ответы, когда кругом — одно большое ничего?

Стоило только подумать об этом, как одновременно со всех сторон начали слышаться тихие шаги. Луна оцепенела, не зная, чего ожидать, но и бежать ей было некуда. Сама решилась на это, так чего теперь сокрушаться?

Шаги приближались, и вскоре из темноты показалась фигура, за ней другая, третья... Люди постепенно окружали, но Луна пока ещё не могла разглядеть ни одного лица. Отовсюду доносился хрип. Тихо, почти неслышно сипели силуэты. Луна затаила дыхание, нервно вертела головой, стараясь рассмотреть хоть что-то, пока фантомы нестройно продолжали идти к ней. Вот они уже оказались на расстоянии вытянутой руки, остановились, и она смогла увидеть их лица. Хотя лучше бы не видела, ведь Луна узнала их: мама, старый шаман, глумившиеся над ней дети, соседи... Но кое-чего не хватало.

Глаза. У них у всех не было глаз. Лишь пустые глазницы, из которых без конца капала кровь. Кровь падала в пустоту, но отчего-то всё равно раздавался характерный звук. Кап-

кап-кап... Словно под их ногами образовалась уже целая лужа. А затем фантомы вдруг одновременно оживились и вскинули руки. Десятки рук потянулись к Луне, и она закричала. Истошно, разрывая глотку. Но изо рта не вышло ни звука.

Толпа наступала, а она могла лишь в ужасе распахнуть глаза, вцепиться в волосы, сгорбиться, сжаться, упасть к несуществующей земле и продолжать кричать, отчаянно и беззвучно. По щекам потекли горячие слёзы. Скрючившись, прижав голову к коленям, она зажмурилась и мысленно молила их исчезнуть, а хрип над ней становился всё громче. И когда начало казаться, что сейчас он накроет её, поглотит, что эти корявые одеревеневшие пальцы разорвут её на куски, всё неожиданно затихло.

Открыть глаза Луна решилась не сразу, а когда подняла голову, обнаружила себя уже в полном одиночестве. Одна в этой бескрайней мгле. Впрочем, чувство будто бы и не новое совсем...

Вдруг где-то сбоку вспыхнул свет. Луна обернулась и увидела голубоватый огонёк, парящий посреди пустоты, небольшой, яркий, почти белый в самой сердцевине. За ним появился другой, за ним ещё один, и ещё... Огоньки мерцали и переливались — от лазурного до лилового, к оттенкам неестественно ярким, каких она вообще никогда не видела прежде. Они танцевали, менялись местами и в итоге начали выстраиваться с двух сторон, очерчивая своеобразную тропу, по которой Луна сделала первый неуверенный шаг. Её

беспокоило то, что ещё могло возникнуть из темноты, но пляшущие вокруг огоньки отвлекали, манили за собой, были такими красивыми, что невозможно устоять, и девушка продолжила двигаться туда, куда они её вели. Но стоило дойти до конца, как огни мгновенно затухли и исчезли, словно их и не было, а тревога вернулась. Луна нервно огляделась по сторонам, и тогда из ниоткуда появился дым. Струйка белого дыма текла и собиралась в одно густое облако, скрывая собой фигуру, и только глаза, холодные, чёрные, но странным образом будто пылающие, смотрели прямо на неё. Этот взгляд заставлял цепенеть. Луна вдруг поняла, что не смогла бы уйти, даже если бы захотела.

— Выдающееся упрямство. На грани непомерной глупости.

Низкий голос раскатистым эхом прозвучал отовсюду сразу.

— Кто вы? Что это за место? Что происходит? — выйдя из ступора, начала сыпать вопросами Луна, но, кому бы ни принадлежал голос, он её не слушал.

— Так отчаянно пытаешься избавиться от того, что с тобой неразделимо... Даже не задумываясь о том, что останется от тебя самой, если всё получится.

Голос прозвучал угрожающе, обещающе. И, видимо, скрыть страх не удалось, потому что существо рассмеялось.

— В чём дело, Луна? Разве ты не за ответами пришла? Не из-за них проделала такой путь? Не ради них поставила на

кон свою жизнь?

Божество? Дух? Нелюдь? Просто кошмарное видение? В любом случае то, что оно знало её имя, спокойствия и доверия совсем не внушало.

— Едва ли это можно назвать жизнью... — сорвалось с губ само собой.

— Зависит от точки зрения, — усмехнулось существо, и в лицо Луне ударило облачко дыма. — Причина, по которой ты несчастна, в тебе одной. Поэтому ты так слаба. Считаешь проклятием то, что не чужеродно, но часть тебя. Принимаешь за наказание то, что и есть ты сама.

— Неправда...

Голоса их обоих звучали нереально. Здесь не было ни стен, ни пола, ни потолка, но они отражались, словно в пещере, меняли тональность и громкость, пока не затихали в зловещий шёпот, исчезая в пустоте пространства.

— Наивное дитя! Не думаешь ли ты, что сама вольна определять то, чем обернётся твоя сила — смертью или спасением? Осознай её! Прими что должно! Только тогда сможешь найти то, что искала...

Последние его слова растворились во мгле вместе с дымом, вновь оставив Луну одну. И такая же мгла постепенно разрасталась внутри неё самой.

Был ли голос тем, кто мог дать ей ответы, или же это опьянённый отваром жрицы разум играл с ней и подбрасывал мысли, которые она просто старательно игнорировала и пря-

тала подальше? И что теперь?

Поколебавшись немного, Луна всё же решила двинуться вперёд. Время в этом месте совершенно не ощущалось, поэтому она не могла с уверенностью сказать, сколько шла, прежде чем незримая опора под ногами внезапно исчезла. От неожиданности сердце подскочило, замерло, а после принялось стучать так часто, что казалось, вот-вот разорвётся. Но падение затянулось. Долго. Неестественно долго. Луна всё летела и летела, а пропасти не видно было конца. А затем полёт вдруг прекратился, и тело ударилось о воду. Тёмную, ужасно холодную воду. Дальше, всё глубже и глубже. Не было сил пошевелиться, попытаться всплыть, выбраться на поверхность, где теперь виднелся неровный круг тусклого света. Ледяная вода уже забиралась в нос, заполняла лёгкие, разливалась холодом по всему телу, удушье сдавило горло, пока сама Луна неумолимо шла ко дну...

С шумным вздохом она резко очнулась от удара спиной о землю. Неужели и правда падала? Но как такое возможно, если она и так была на земле?

Голова гудела, во рту пересохло, и поднялась Луна с большим трудом. Она по-прежнему находилась во дворе храма. Ни Коффи, ни охотника поблизости уже не было. Лишь Далия возвышалась над ней и как-то недобро, лукаво глядела, будто раздумывала над тем, с чем лучше приготовить и съесть эту бестолковую девчонку.

Луна же вместе со знакомыми признаками похмелья нача-

ла чувствовать и разочарование вперемешку со злостью, как только суть произошедшего стала ясна как день: эта женщина попросту опоила её! Заварила ядовитых грибов под видом таинственной магической бурды и думала, что никто ничего не поймёт? Как бы не так! Уж в чём в чём, а в снадобьях и отравках Луна разбиралась и сейчас с уверенностью могла заявить, что жрица — не более чем хитрая баба со смазливym личиком, умеющая загадочно и красиво говорить. И вот так она собрала вокруг себя людей? Дурманя их?

— Ты отправилась в опасное путешествие и вернулась, — вполголоса начала она, не сводя с Луны хитрых глаз, неспешно двигаясь, обходя полукругом. — Ты ощущаешь её? Ощущаешь силу?

— Я ощущаю озноб и трясучку, если ты об этом, — нахмурившись, ответила Луна, но Далия не слушала и продолжала плавно вышагивать вокруг, словно даже движениями бёдер хотела отвлечь, запутать.

— Такова наша судьба... Охотник может стать воином, но ты... ты — оружие! — остановившись прямо напротив, выдохнула та буквально в лицо. Луна напряглась, машинально отступила.

— Что за чушь? Налила мне варева из поганок и думаешь, я впечатлюсь? Побегу с вами на волков охотиться или что?

Едва слова вырвались, Далия рывком схватила её за локоть. Пальцы сжимали до боли, ногти впивались в кожу.

— Советую тебе осторожнее выбирать слова, — проце-

дила жрица сквозь зубы, и речь её больше напомнила змеиное шипение. Внутри у Луны всё похолодело, а Далия, сделав глубокий вдох, продолжила снова тем же томным голосом, что и прежде: — Ты пока не понимаешь всего, но вскоре поймёшь. Боги послали тебя сюда, чтобы ты помогла нам одержать победу...

Хватка становилась сильнее. Луна сделала ещё пару шагов назад, но жрица не отпускала, следовала за ней, будто готовая в любой момент поглотить её целиком. Непонимание обернулось смятением, смятение — страхом, а страх уже перерастал в панику.

Бежать. Нужно было немедленно бежать!

— Да вы все тут больные! — закричала Луна, отчаянно стараясь вырвать руку из цепких пальцев. — Пустите меня! Отвали!

Продолжая пятиться, она билась, дёргалась, махала свободной рукой в попытке оттолкнуть жрицу, но эффект после выпитого отвара ещё давал о себе знать — тело оставалось вялым, а ноги едва держали. Наконец, ей удалось высвободиться, но, потеряв равновесие, Луна полетела назад. Устоять не вышло. Она упала и врезалась во что-то лопатками. Факел опрокинулся со стены, и сухая трава рядом вспыхнула мгновенно.

Луна застыла. Ужас сковал намертво, не давая шелохнуться. Вид пламени, живого, расползающегося, уже облизывающего колонну и деревянный настил, отзывался призрачной

болью на коже. Лишь когда до ушей долетели взволнованные голоса храмовых прислужников, она вспомнила, как дышать, и спешно поднялась. Нужно было воспользоваться суматохой. Пока воины, стоявшие по периметру, носились с водой, а жрица выкрикивала что-то вновь на незнакомом диалекте, Луна пробиралась к выходу. Однако едва выбралась за ворота, как над головой просвистела стрела. Тогда, не думая о том, куда бежать, она бросилась вперёд. Снаружи было темно, перед глазами всё ещё плыло, а на горизонте снова маячили сплошные деревья, но лучше уж в лес. Лишь бы не догнали...

Запинаясь, Луна нырнула в первые же густые кусты. Последним, что успела уловить, был голос Далии где-то позади: — Не стрелять! Она нужна мне живой!

Глава 5. Особняк Безмолвного леса

Бежать в кромешной темноте по проклятому лесу, в котором не ориентируешься... Хуже не придумаешь. Где-то на подсознательном уровне Луна прекрасно понимала, что в любой момент может по неосторожности зап

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.